

Женька, или Безумный круиз

**Владимир
Купрашевич**

18+

Владимир Купрашевич
Женька, или Безумный круиз

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Купрашевич В. И.

Женька, или Безумный круиз / В. И. Купрашевич — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-5321-2392-2

Владимир Купрашевич – автор на шумевшего в свое время эротического романа «Архивариус, или Игрушка для большой девочки» (переиздан). Роман «Женька, или Безумный круиз» продолжает эту серию. Героиня книги – молодая эксцентричная женщина, пытающаяся с переменным успехом бороться с собственными пороками. Пытаясь внести коррективы в свое поведение, она недооценивает силу природного инстинкта и обстоятельств. Соответственно и попадает в ситуации, выбраться из которых может только в силу своей «ненормальности». Роман написан с откровенными эпизодами и рассчитан на взрослого читателя.

ISBN 978-5-5321-2392-2

© Купрашевич В. И., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

Владимир Купрашевич
Женька, или безумный круиз
Часть первая
КРУИЗ

Утром, когда Женька пришла к окончательному и бесповоротному заключению, что в жизни определенно нет и не может быть никакого счастья, пропиликал телефон. Не открывая глаз, она нехотя взяла трубку, ожидая воплей загулявшей мамыши, которая снова потеряла ключи и не может попасть домой. Услышав голос подруги, она приподняла веки, а, когда до нее дошел смысл слов Ксении, подпрыгнула на постели. Любимая подруга предлагала что-то невероятное – отправиться вместо нее в круиз по Балтике. В этот подарок даже не верилось – слишком уж к месту и ко времени был бы для Женьки такой вояж. Наверное, Всевышний, все-таки, есть, и он вспомнил о ней! В последние дни она как раз подумывала о том, чтобы исчезнуть, если не из жизни совсем, то хотя бы на пару недель рвануть из Питера, отдохнуть от бесконечных проблем, которые создавала себе сама же. Способность находить приключения, которые выходили ей боком, преследовала Женьку с детства. Изменить здесь она ничего не могла – чтобы прислушиваться к доводам разума, следовало родиться заново. И, конечно же, у другой матери.

Самая большая ее проблема был Абрамыч. На горизонте он появился по ее же инициативе. Когда-то помог ей устроиться в институт (который и нужен то ей что рыбе зонтик) и с тех пор остался на ней как клещ, выдрать которого без риска для здоровья, а может, и жизни, невозможно. Наглый и липучий он доставал ее, когда ему заблагорассудится, был полнейшим эгоистом, почти никогда не выполнял своих обещаний, врал и изменял ей по-черному. Наверное, все эти ценные качества, в свое время, и помогли ему стать депутатом.

Первое время она воспринимала его как неперемное условие рыночных отношений, но сейчас пора бы оставить ее в покое, поскольку услуга давно оплачена. Абрамыч же этого не признавал, и продолжал выставлять счета. Мало того, что обращался с ней как с наложницей, но не стеснялся таскать ее и на свои мероприятия – от унылых приемов до подвальных тусовок. Обращался с ней бесцеремонно, а в минуту душевного подъема мог оставить у приятеля или нужного человека. Моральный кодекс не был для Жени головной болью, но когда тебя используют в качестве туалетной бумаги...

Такие «наезды» всегда заканчивались скандалами и очередным категорическим решением прекратить порочную связь. Прежде всего, она не собиралась быть подстилкой и, потом, свою информацию о предстоящем мероприятии этот наглец преподносил не как предложение, а как производственное задание, что бесило больше всего.

Однако когда она заявляла о том что пора прекратить их отношения он вдруг находил какие-то аргументы... И хотя она точно знала, что он снова врет, интонация его голоса и выражение физиономии, с которой исчезала даже тень наглости, начинали вызывать у нее сомнения.

Был он невысокого роста, коренастый с короткими кривоватыми ногами, волосатыми грудью и конечностями. Где-то в желтой прессе она читала, что мужики такой конституции самые одержимые в сексе. Особой одержимости она в нем не обнаружила, может быть потому, что все, от чего можно было ждать удовольствия, происходило между делом. А, возможно, здесь сказывалась и особые симпатии Жени. В отличие от своей подружки Ксении, которая, наверное, со школьной скамьи взяла ориентир на взрослых дядек, Жене больше нравились молоденькие мальчики – херувимчики, молочные поросятки. Пусть они неумелы и строптивы, но их гладкая бархатистая кожа, свеженькие губки, только-только устоявшийся голос... К тому же ощущения опытной умелой женщины (двадцать четыре года все же!) направляющей сосунков в нужное русло здорово подогревают. Абрамыч же был не тем объектом – сам прошел все огни, воды и медные трубы, потому никакой инициативы ни в чем не терпел и подавлял в ней

любые попытки самостоятельных решений... Само собой, такой терроризм приходился ей уж вовсе поперек. Невозможно ни с кем завязать серьезных отношений. Какой парень станет терпеть, когда его подруга в самый неподходящий момент начнет общаться по телефону или, того смешнее, выскочит из постели и побежит посреди ночи по вызову.

Правда, в последнее время наезд немного ослаб, что ее даже озадачило, но долго мучиться догадками Жене не пришлось. Возвращаясь с Ксюхой из Петергофа, где они прогуливались, она застукала своего деспота на борту «Метеора» с молоденькой дурой. Это переполнило ее чашу терпения. Скорее со зла, нежели из стратегических соображений Женя стянула из его дипломата документ, показавшийся ей наиболее значительным. Какой-то договор на продажу недвижимости.

Когда разыскивая бумагу «любимого» стали сводить конвульсии от истерики, она убедилась, что интуиция ее не подвела – бумага стоящая. Женя еще «промурыжила» деспота пару дней, пока созрел для делового разговора, и, только потом призналась в хищении, и заявила, что вернет компромат, если он перестанет обращаться с ней как с обувной щеткой, даст ей, наконец, свободу. Тем более что, как она уже знает, у него есть, кому ублажать его. И, наверное, искуснее, чем она, хоть и молоденькая. И талия и... все остальное у нее на месте. Наверное, не в пример ей, утонченная, из порядочной семьи. Молода, правда, уж очень. Попахивает педофилией. Да ему-то не привыкать класть кое-что на любой кодекс. Наверное, и к власти-то рвался, чтобы порезвиться. Да оно и правильно. Нынче мало кто стесняется оторвать от жизни кусок поаппетитнее. Жаль, у нее самой таких талантов нету. Да и что с нее взять? Непутевая мать, да однокомнатная клетуха в спальном районе. Ни связей в обществе, ни финансовой базы, да и какие между ними могут быть серьезные отношения, когда он фактически торговал ею. Как не торговал, подлец?! Это что означает, когда тебя оставляют, будто бы с перепоя, на квартире у чинуши?! Хорошо тот оказался импотентом...

Абрамыч внезапно согласился на ее ультиматум и пообещал больше не тревожить, разве что если возникнет такое желание у самой Евгении. Только бумагу

ту нельзя никому показывать, а еще лучше, отдать... не безвозмездно.

Женя, не ожидавшая такого поворота, вспыхнула – можно подумать, что у нее может возникнуть какое-то желание к нему, после всего-то! Б-дун несчастный! А бумагу она попридержит. Может не ссать в штаны, никто ее не увидит.

Когда Абрамыч скрылся за горизонтом, Женя, придя в себя, вдруг обнаружила, что лучше почему-то не стало – в обозримом пространстве, не оказалось никого, кто мог бы ее понять, помочь заглушить негатив. Ксюхе, единственной подруге не до нее, сама никак не может разобраться со своими мужиками. Парень, которого не устраивали бы ее связи с боссами, существовал только в теории. Его еще предстояло найти. Может быть, это и не станет большой проблемой, но приложить усилия придется. Хоть мордашка у нее и соблазнительная, в остальном ей далеко до той же Ксении. Казалось бы, рано начатое «тесное» общение с мужской братией должно было способствовать развитию форм, но, то, что Женя наблюдала в трюмо, казалось ей недоразвитостью – грудь могла быть повыше, талия потоньше, ягодички повыразительнее, ноги, правда, как будто в порядке... В целом отражение не отталкивающее, но не мешало бы ему быть и попривлекательнее. Уж не девочка! Может после родов дело поправится? А вдруг станет хуже? Станет этаким оковалком как кадровичка с Ксюшкиной работы – не понять, где у нее перед, где зад...

Да и внешность, скорее, ни причем. Ущербной она себя в этом плане не чувствует. Просто связь с депутатом подмочила ей репутацию. По крайней мере, в институте о ней, наверняка, идет слава как о дешевке. И черт с ними! Она постарается не разочаровать публику... А парень, который поверит в нее, не ошибется. Женя знает себе цену, на что способна и повернуть судьбу в нужном направлении для нее не проблема. Уже которую неделю она занимается интенсивным самовоспитанием. И уже есть прогресс! Благо в институте есть, у кого поучиться. Та же

Клара сокурсница. Слушать это чудо можно бесконечно. Никаких тебе жаргонных словечек, фразы как из литературы советского периода. Гладкие понятные. ...Если пореже общаться с собственной мамашей, а уши развернуть в другую сторону, дело с речью наладится. Со временем, конечно. Как только наладится личная жизнь. А то она порой выставляет такие подножки, что только ненормативная лексика и помогает... Ну, а если окажется таким же дураком, как и все прочие, на кой хрен он ей нужен?! Произойдет естественный отбор, хотя проницательных нынче... Ау!... А не встретятся, и Бог с ними! Перекантуется и без проницательных. Одна. Плавать в автономном режиме для нее дело привычное. Ей даже в сексе партнер не больно то нужен. А пока следует отдохнуть, отойти от всего.

О том, что шхуна военно-морского училища снаряжается в плавание по Балтике, Женя слышала от той же Ксении, но не особо в это верила. Слишком уж готовящийся поход отдавал авантюрой, собирался то под вывеской учебного, но кроме команды выпускников в плавание отправлялись и их подруги. Не все, разумеется, и негласно. Ксюшка, конечно, попадала в обоз однозначно – жена свежее испеченного лейтенанта. У Жени тогда даже потемнело в глазах от зависти. Да и как этой зависти не возникнуть, когда саму достают проблемы, а везение выпадает подруге.

Потому предложение Ксении заменить ее в Таллинском порту и продолжить за нее круиз по Балтике на борту шхуны для Жени было равнозначно манне небесной. О таком подарке и мечтать то страшно. А тут в реальности. И цена то, какая?! Построить глазки капитану? Так это же естественное состояние женщины! Она должна без устали совершенствовать свои способности валить мужиков с ног. Женя видела этого капитана лишь однажды и нельзя сказать, чтобы он вызвал у нее какой-то интерес. Мало того, что поношенный так еще с какой-то иронией во взгляде, словно перед ним окончательная и бесповоротная дура ... Правда, экстремал – не отнимешь! Это же надо додуматься на судне военно-морского флота, с бабами на борту в круиз по Балтике! Да ради участия в такой аванюре она вступит в сделку хоть с чертом. В пределах разумного. Если развитие событий будут зависеть от нее, то никаких проблем не возникнет. Уж перед морским то волком устоит... Во первых на секс у нее объявлен мораторий да и такие взрослые дядьки не ее репертуар. Абрамыч не в счет – производственная необходимость.

Куда большую опасность для нее представляет Андрей, муж Ксюши, который плывет на этом корабле. Когда-то она свела их, но после того вечера не раз ловила себя на том, что у самой где-то что-то скребет, когда видит их вместе. Ксюха, правда, счастья своего не сознает и продолжает преследовать свое замшелое чудо – архивариуса из НИИ, куда она же ее и устроила уборщицей. Какие у них отношения Женька толком не поняла. Похоже, Ксюха возомнила себя кошкой, которая не может примириться с тем, что добыча не дается в ее коготки. Другого объяснения выходкам подруги Женя найти не может.

Андрей, если и не знает всего, то не может не чувствовать, что жена душой где-то в ином месте. Переживает или нет – понять трудно. Скрытный парень. Она даже не уверена, что и женился то он по любви. Человек долга. Правда, сказать, чтобы он был абсолютно равнодушен к Ксюхе нельзя. Но в этом нет никакой ее заслуги. При такой внешности, как у этой сучки вызвать любовь мужчины, хоть на полчаса, невелика премудрость. Даже она, Женя, когда видит подругу в нижнем белье, чувствует какое-то смутное беспокойство. Уж не лесбиянка ли она сама, где-нибудь в тайниках души и тела? Однажды, когда они лежали с Ксюхой в постели, не удержалась, и пощекотала ее пальчиками. Хорошо та вернула ее на место, а то уже и крыша поехала... Только этой радости к Жениным проблемам и не хватало.

Может и ее собственная страсть к молоденьким мальчикам замешана на какой-то патологии?... Как известно женщина удовольствие от секса начинает испытывать годам к тридцати, а Женя свой первый опыт до сих пор считает самым ярким. Херувимчик Костик был еще моложе ее, и Жене тогда пришлось взять инициативу на себя. К тому времени она уже

испытала умопомрачительные заплывы в одиночку, а с голубоглазым сосунком это ей вообще показалось сказкой. Правда, потом у нее возникли подозрения, что этот застенчивый херувимчик был далеко не начинающим.

А может быть дело не в патологии, а просто возникает какой-то психологический фактор, потому и тянет на молочных? Ксюша вот, она красива, без изъянов, все при ней, потому и может позволить себе любить, кого душа пожелает. Хотя, по здравому размышлению, наверное, каждому свое.

Еще накануне отплытия шхуны Ксения пожаловалась, что у нее проблемы с вестибулярным аппаратом на качку и что возможно дотянет только до Таллинна, но, когда они плавали в Петергоф, к фонтанам, Ксюша даже глазом не моргнула. Хоть бы раз посмотреть толком на то сокровище, ради которого можно отказаться от такого круиза, да еще под боком у своего красавчика! Свеженький морской офицер... Или у Ксюхи с головой хреново?! Даже если сбрендила на своем архивариусе, так почему было не отказаться от плавания сразу, в Питере. Рыбка еще та! Женья тогда в шутку, предложила себя взамен, но ответа не услышала, а, может быть, сама уже ничего не воспринимала, потому что именно в ту минуту и обнаружила своего благодетеля-депутата тискавшего у мостика молоденькую дурочку и уже со стороны увидела, как сама глупо выглядит в объятиях этого лоснящегося от удовольствия хомяка. Самодовольного и наглого...

И вот сейчас этот звонок... Несмотря на некоторое недопонимание, усложненный вариант Женья приняла безоговорочно. Депутат к тому времени плотно сидел у нее на крючке и заставить его сгонять в Таллинн, чтобы обменять облежавшуюся подругу на свеженькую Женьку (а «несчастную» привезти в Питер, к любовнику), не должно было составить труда – на карту был поставлен криминальный документ, который он получит только по выполнении задания.

Ксюша предупредила, что часа через три–четыре после того как шхуна отшвартуется на мобильник Абрамыча поступит сигнал, а к тому времени они должны быть уже в таллиннском порту. До отъезда ей, конечно, необходимо подкорректировать свою внешность под фотографию в паспорте у Ксюши, тем более что это не так сложно. Подогнать прическу, подкрасить волосы намазать губы пожирнее да подправить косметикой разрез глаз. Вся задача!

Бориска на ее вызов явился незамедлительно (явно околачивался где-то поблизости) при ознакомлении с планом действий не рыпался, выслушал молча и в заключение остался ночевать (мать как всегда на «гастролях»). Женья особенно не сопротивлялась – все-таки надежнее, когда тот рядом, но старалась не впасть в сентиментальное настроение. Если в иные минуты что-то и подступало к горлу, она тотчас же внушала себе, что это всего лишь жалость, та, что испытываешь к ненужному предмету, который предстоит выбросить.

После шампанского Абрамыч раскололся насчет своей подружки – она его помощница, но отношения у них серьезнее, чем предусмотрены служебным кодексом (значит, трахаются прямо в офисе!). Она ни в чем не превосходит Женью, даже наоборот, где-то проигрывает, но у нее с ней общие дела... С супругой у него давно уже разлад, но он вынужден выдавать ей определенные суммы на содержание, потому сегодня у него напряженка с деньгами. Да особенно много их у него никогда и не было... Женья всплила – мог бы оставить свои намеки, она никогда и не трясла его. Вообще, такому взрослому дядьке пора бы понять, что Женья женщина порядочная и ему просто крупно повезло. Другая давно бы вытрясла его как грушу!

В ответ Абрамыч стал бормотать, что она всегда недопонимала его, на самом деле дня не проходит, чтобы он не вспоминал, не думал о ней... Женья долго скептически слушала запоздалые откровения, но, наверное, так уж устроена женщина, что не может без лапши на ушах и, незаметно для себя расслабилась. В общем-то, мужик не самый худший вариант и подставок с его стороны (теперь то уж можно признать), было не так много. Разве что тот чинуша-импотент. А может этот придурок и в самом деле в тот вечер перебрал...

Когда же лис принялся необычайно корректно с демонстративным удовольствием раздевать ее, и она уже уверовала, что уж на этот то раз все будет как-то по особенному, он вдруг вспомнил, что забыл дать распоряжения своим помощникам. Завтра у него по расписанию приемный день. Абрамыч схватился за свой долбаный мобильник, Женя психанула, и отвернулась к стене. Как потом депутат ни раскаивался – к себе она его больше не подпустила. «Была без радости любовь, разлука будет без печали!», решительно подвела черту Евгения и зажмурила глаза.

Утром Абрамыч проснулся хмурый и с явной головной болью – ночью с расстройства высадил две бутылки шампанского (не привыкли мы, чтобы нам отказывали!). Наблюдая за ним, Женя стала опасаться каких-либо сюрпризов, (даже пожалела, что не сдала позиций во время) но депутат, вопреки ее опасениям в план совместных действий никаких изменений не внес. Убедившись, что проект остается в силе она связалась по телефону со знакомыми механиками, разводящими мост лейтенанта Шмидта и те в подробностях изложили, когда и как отшвартовалась шхуна.

Перед отъездом Женя еще с полчаса провела перед зеркалом пытаясь подкорректировать физиономию под фотку Ксюши. Результатом осталась довольна. Может ей устроиться гриме-ром в какой-нибудь театр да подцепить там какую-нибудь звезду. Только не голубую!

Борис гнал машину как на авто родео. Молча и зло. Машины по всем сторонам мельтешили, словно в муравейнике. Временами становилось страшно. Женя, вцепившись в ручку для пассажира, косилась на его недружелюбное лицо, и, вопреки ситуации на нее вдруг стали наплывать воспоминания о редких, но все-таки приятных минутах общения с этим подарком судьбы. Она даже чуть было не предложила ему свернуть куда-нибудь в пролесок (времени бы хватило), но вскоре дорожная ситуация разрядилась, они заняли отдельную полосу, она перевела дух и тогда до нее дошло, что ее инициатива лишь усложнила бы момент отчуждения. Женя даже обозлилась на себя. До чего же нелепо устроен человек! Даже в своих лучших устремлениях норовит сунуть палку в свое же колесо.

В Таллинн приехали рано, по расчетам звонок должен был поступить около полудня, а границу пересекли еще в десять утра. Отсвечивать в порту несколько часов не имело смысла (да и утомительно), по этой причине Женя предложила Абрамычу покататься по городу. Борис без комментариев приступил к выполнению задания. Женя, не выдержав, попросила его хоть немного расслабиться. Нельзя же расставаться друг с другом с зубовым скрежетом. Неужели она была такой уж бабой-ягой?... Борис никак не прокомментировал ее попытку смягчить отношения, а у нее больше не нашлось, что сказать своему, уже определенно бывшему, любовнику. Скорее эксплуататору.

Таллинн интересен был Жене и раньше, но надвигающиеся события застилали ее воображение предстоящими картинками, от которых не могли отвлечь ни Ратуша, ни Длинный Герман, ни Толстая Маргарита. Она осматривала шедевры Прибалтики, не выходя из машины, потом вдруг решила побывать в Морском музее. «Бывший» подвез ее безропотно, но от сопровождения попытался увильнуть. Поскольку мобильник торчал из его кармана и никому не доверился (мало ли какие звонки), прошение было отклонено.

Звонок с корабля застал Женю при осмотре каравеллы «Санта-Мария» которая по ее представлению была похожа на шхуну, на палубу которой ей предстояло шагнуть ... По предсмертному голосу подруги она поняла, что все складывается по сценарию – подруга при смерти, шхуна на подходе к Таллинну и через пару часов войдет в порт.

К причалу захотелось рвануть сразу, но она еще с полчаса бродила из зала в зал. Потом, не выдержала и обернулась, чтобы дать команду Абрамычу, но, неожиданно, обнаружила, что в зале одна. Выскочила на улицу.

Борис сидел в машине за рулем, запрокинув голову, и спал. Женька помянула себя недобрым словом. Хорошо мужик не заснул, когда колеса «Ауди» накручивали километры. Наверное, и правда – мужиков следует иногда беречь. Хотя бы из соображений безопасности.

Хлопнув дверцей, она разбудила «любимого» и назвала последний пункт назначения – порт. Теперь Абрамыч ехал осторожно, так, словно его тянули за какое-то чувствительное место или решил, что привалили слишком рано, а торчать под свежим ветром Балтийского ему не светило. Хотя при чем тут ветер? Может быть, у него своя аллергия на балтийское побережье. Может быть какая-то Юнона, в свое время, помахала ему с кормы надутым платочком? Ну и кобель!... Да теперь все равно.

Как Абрамыч ни тянул резину, через полчаса они вползли на территорию порта. Долгие минуты сидели молча. За время вынужденного простоя Женька сжевала предусмотрительно прихваченный бутерброд, а Борис высадил пару бутылок пива, хотя в ближайшее время ему предстояло заруливать в обратном направлении. Наконец шхуна появилась на горизонте. Сначала какой-то неопознанной точкой, потом проявились и контуры судна.

Женька взглянула на часы. Понятно, что пунктуальности в прибытии парусника можно ждать, только будучи наивным ...

У причала собралось немало машин и празднующихся, наверное, из тех, которые с детства знают наперечет все суда мира, (как дети железнодорожного полустанка способны с первого взгляда определить модель тепловоза, просвистевшего мимо перрона) но шхуна, к разочарованию любопытных, стала на якорь, не дойдя до причала.

Некоторое время спустя, как были брошены якоря, от борта отделились две белые шлюпки. В которой из них Ксюша определить было сложно, и Женька, осталась стоять у автомобиля. Тем более что после косметической коррекции подруга могла ее и не узнать в толпе.

Однако Женька сама с трудом узнала в женщине, крадущейся на полусогнутых вдоль пирса, под руку с Андреем, Ксению. Ввалившиеся щеки, серое лицо... Она

даже струхнула. Это же по ее рецепту подруга принимала таблетки вызывающие тошноту – она отыскала их в медицинском справочнике. Какой уж ей теперь любовник! В ответ на испуганный взгляд Женьки Ксения, как могла, улыбнулась и обняла подругу.

– Ну, ты как?! – отстранилась Евгения.

– Прекрасно! – прошепелявила та.

– В смысле, что осталась жива?! – сострила Женька.

– Ну да! – выдохнула ей Ксения в ухо.

– Я вижу, тебе не сильно – то пришлось прикидываться. Перегнула? – заподозрила Женька. Ксюша успокоила ее тем, что было и хуже.

Однако подруга подругой, а как капитан? Берет он ее или не берет? Его фигуру в белом кителе она присмотрела еще, когда шлюпки отшвартовались от борта шхуны. Но даже сейчас, когда он приблизился к ним, прочесть на его лице принятое решение невозможно он лишь скользнул, бессмысленным взглядом по ее напрягшейся фигуре и, тут же унесся куда-то. Идиот, что ли! Ну, если не улыбнулся, то хоть на секунду задержал бы на ее лице свои лупалки. Разве не понятно, что она подруга Ксении?! Что она именно та, которая должна занять ее место. Или ему безразлично кто это будет?! Если не Ксюша то все равно кто? Оттащив полуживую подругу за машину, Евгения приступила к допросу.

– Ну?!

– Как видишь, все в порядке...

– Да ничего я не вижу. Берет он меня или нет?! Ты посмотри на него...

– Берет, берет. А у меня то не будет проблем с твоим?

– Да тот, – Женька кивнула в сторону «Ауди», – проведет, где хочешь. Проходимец, одним словом. А где я устроюсь?

– В каюте Андрея.

Женя на мгновение онемела.

– Ну, может быть не на одной койке. Василий все решит,— добавила Ксения.

– Василий, это кто такой?

– Ну, капитан же...

Женя уставилась на подругу. Полуживая, а уже называет капитана по имени. Это за одни то сутки!

– Да уж ладно. Эстафету перехватим.— сузила глаза Женька.

Ксюша чуть слышно хмыкнула, но не раскололась.

– Так ты ткни хозяина в меня носом. Куда он сорвался?

– Так вы и есть та самая подсадная уточка? И зовут вас...?— неожиданно услышала Женя за своей спиной мужской иронический голос.

– Ксения, конечно же, — обернулась Женя. — Не узнаете?

– С трудом, но узнаю... А со своим супругом вы уже знакомы?

Женя только сейчас обнаружила, что Андрея нет рядом.

– Я его отправил на судно, — пояснил капитан.

– У нас с ним сложные отношения.

– Насколько сложные?

– Больше платонические.

Наглость его едва не сбила Женю с избранного жанра, она беспомощно взглянула в сторону подруги, которая продолжала рассматривать документы

– Ну да, ну да... — пробормотал капитан уже неизвестно о чем.

– У вас просто сказочный корабль, — попыталась подлить елей Евгения.

Процедура подхалимства была противна Женькиной натуре, и она даже поморщилась.

Капитан ничего не ответил и отошел к каким-то мужикам в форме.

– Послушай, ну и тип! Это же бревно. Как ты с ним?

– Да никак. В общем-то, нормальный мужик. Возьми вот, — Ксения сунула подруге пакет со своими бумагами. — Здесь все... А потрудились ты не зря, прямо я в зеркале...

– Да уж ладно! — вынимая из сумки свой пакет отозвалась Женька. — Далековатенько мне... Здесь компромат на Абрамыча. Отдашь, когда приедете в Питер... Ну и бревно!

– Ты о ком?

– Да капитан твой...

– Что-то ты разволновалась, подруга!

Язвительный тон только что умиравшей подруги еще больше взвинтил Женю.

– Да мне этот потрепанный до... сама знаешь, какого места. Но, я же теперь заложница и если что-то ему попадет не в нюх. Ты же прогибалась...

– Да не слишком, — не призналась Ксюша.

– Да ладно..., — протянула Женька, уже не надеясь спровоцировать подругу на откровенность.

Когда они подошли к Ауди откуда-то вновь нарисовался капитан, помог Ксении забраться в машину, подал сумку... Интересно, мужа отправил на судно... Женя отвернулась к морю, чтобы не видеть всего этого безобразия. И Ксюша еще чего-то там темнит! Ясно, как божий день, что слабость у нее в коленях не только от морской качки... Да и черт с ними. Чего она то переживает?! Даже странно. В конце концов, она же мечтала, чтобы ее не кантовали. Главное, на парусник ее берут, а там пусть этот мужлан принимает какие угодно позы и изображает из себя черт знает что! Тоже, пуп!

Толпа на берегу поредела, и шлюпки с курсантами стали хорошо видны. Она попыталась отыскать взглядом Андрея, но морячки толпой копошились у уключины и отличить одного от другого, было нереально.

Прикосновение к плечу отвлекло ее. Василий Васильевич молча кивнул в сторону моря. Лицо непроницаемое. Определенно не рад замене. Конечно, Ксюха помоложе и поэффектнее. Плевать! Можно подумать, что Женя неслась сюда на второй космической ради него ...

Она оглянулась в сторону автомобиля Абрамыча. Машина уже тронулась с места. Сквозь тонированные стекла лиц было не разглядеть и она, на всякий случай, махнула рукой. На прощание. Обоим. Автомобиль моргнул фарами и резко прибавил ход.

Женя направилась к берегу, принципиально не видя маячащего перед ней капитана. Видала она его... Андрей у шлюпок встретил ее таким взглядом, словно упал с мачты.

– Ну что? Не узнаешь жену? – фыркнула Женя.

Тот пожал плечами и отвернулся. Только что продрал глаза, что ли? Или не в курсах? Хоть бы улыбнулся... Хотя ему то определенно не до смехуечков. Надо думать, парень в трансе и донимать его вопросами не время. Да здесь и без него есть, кому глазки построить. Ребятки на веслах розовощекие, крепкие... особенно тот, с голубыми глазами и девчоночьими ресницами. Он, пожалуй, помоложе Жени и вряд ли искушен в любовных делах. В паре с ним высокий парень производит впечатление более зрелого, наверное, уже знает цены на отдельно взятые предметы. Глаза смотрят с прищуром, но интереса, а тем более желания не выражают. Дефицит чувственности. Или еще чего-то. В следующей паре два здоровяка – один с короткой бычьей шеей и широкой, распирающей тельняшку грудью, другой, пониже, совершенно беловолосый с пухлыми, словно вареники губами. Эти «шлепанцы» делают его особенно заметным и вызывают какое-то эротическое возбуждение.

Целый выводок младенцев. Правда, эти скромняшки иногда преподносят сюрпризы, от которых долго лечишься. Лучше поостеречься. Да и о чем это она?! Не следует забывать, что собралась в этот круиз как раз, чтобы отдохнуть от амурных дел. Впереди бескрайнее море и белоснежный парусный корабль... И все! Интересно, станет ли «бывший» по пути в Питер приставать к Ксюхе? Нет, ей определенно нужен отдых. Какое теперь ей дело до Абрамыча?! Полный крышняк...

Женю пропустили на сходни первой. Кто-то поддержал ее под локоть, когда она перешагивала через борт шлюпки. Оглянулась. Капитан. Жест и выражение лица на этот раз более живое, но определенно продиктовано этикетом. Как же – преподаватель! Видимо решил показать своим школярам образец приличного поведения. Женя усмехнулась но не отстранилась и усевшись на скамью принялась рассматривать остальных пассажиров шлюпки. Среди засранцев ближе к корме Женя неожиданно усмотрела и девицу – искусственно-белокурую, с округлым лицом и большими глазами. Когда на нее смотрели, она старалась округлить их еще больше, и тогда напоминала страдающую базедовой болезнью.

Капитан (глаза бы не видели!) хотя тоже был довольно подтянутым, не хуже курсантов, но чем-то выделялся... И не столько белой формой сколько, слишком деловым видом. Такой больше понравился бы ее мамаше, (она называла таких солидными) да и возрастом соответствует ей больше. Вот та уж точно была бы без ума от такого экземпляра! А Жене из этой категории хватило и депутата. Правда солидность в том как-то не держалась, это, единственное, пожалуй, и привлекало в нем Женю. Когда-то. Теперь это отрезанный ломоть. Скатертью ему дорога. А солидных она, вообще, терпеть не может.

Андрей тоже пытается изображать из себя делового. Как будто в эту минуту не его жена мчится на иномарке к своему любовнику. Вряд ли это не может не озадачить парня. Может быть защитная реакция? Демонстративная независимость. Или ему на самом деле плевать, чем там занимается Ксюха? Или она чего-то не понимает и здесь... Может и правда есть идиоты, для которых служебный долг превыше всего? Как-то в это трудно поверить.

Женя едва не вздохнула от беспомощности, но приближающийся борт шхуны отвлек ее. Вблизи корабль уже не создавал впечатления большого и надежного. Может и Ксюшка сиганула отсюда со страху, а не за каким-то там любовником. Ну, уж она – то сможет взять себя в руки.

Да и не одна же... Женька оглянулась на Андрея. Рядом с капитаном он смотрится как младший брат. Но с самой-то что происходит? Конечно, это не какая-то громада многопалубного лайнера, одна масса которого вызывает ощущение незыблемости. Может быть, она не трусит – просто беспокоят предчувствия сюрпризов. Должен же когда-нибудь случиться такой, который перевернет, наконец, ее, увязавшую в болоте безнадежности, жизнь. Она сама решила на переворот, хочет его и добьется. Нечего ждать милостей от судьбы. Конечно, добиваться своего она не станет крайними мерами. Капитан, последний, с которым она согласится на сделку. И то условную. Может быть на кофе с рюмочкой коньяка... Или на бутылочку рома на расколотой бочке при свете щепы, как в фильмах про пиратов. Но никакого интима! С этого дня подобные радости будут с ней происходить только по ее желанию, по собственной инициативе, и, прежде всего, после глубокого аналитического мышления. Почему это Ксения, ее подруга, может постоять за себя, а ее обстоятельства нет-нет, да и валят на спину. Все, ребятки, отныне выбирать будет она! Никаких поползновений, особенно по колену и выше... Мораторий! По сути, он уже начался, со вчерашнего вечера, когда Женька отшила депутата и пообещала самой себе, что не позволит больше всяким там случайностям крутить ею как щепкой. Если бы можно было, она поставила бы на присутственное место пломбу. А дурацкие мысли..., это так, остаточные явления. А может и в самом деле все эти бредни со страху?

На корабле она самостоятельно подалась на поиски каюты, где, с высочайшего соизволения капитана ей предстояло поселиться. Сказал он ей об этом настолько невразумительно, что вначале Женька решила, что он разговаривает с самим собой. С пожилыми это бывает. Но пришлось переспросить. Он подтвердил, что уступает ей свою каюту. Поскольку после этого заявления возникла вопросительная пауза, он напрягся и промямлил, что сам переселится к своему помощнику, Андрею. Женька чуть было не брякнула, что, в общем-то, он ей не слишком опасен, но вовремя притормозила. Прежде чем исчезнуть капитан успел сообщить ей, что звать его Василием Васильевичем (не просто Василием!). Конечно, где уж нам уж...

В коридоре было достаточно светло, чтобы найти названный номер. Из приоткрытой двери каюты задом выпячивал матросик с покрасневшимся лицом, с ведром в одной руке и шваброй в другой. Взглянув бегло на Женьку, он вновь посмотрел в ее лицо, уже внимательнее.

– Вы, к кому?

– Я к себе, – хмыкнула Женька, рассматривая мальчишку.

– Это каюта капитана, – предупредил неуверенным тоном растерявшийся от неожиданности матросик.

– Значит, капитаном теперь буду я. Вместо вашего недотепы. Тебя как зовут?

– Курсант Кораблев. Виктор. А с чего это он недотепа? Нормальный капитан.

– Кораблев? Потомственный моряк, что ли?

– Да не, фамилия такая. С Урала я.

– Чего же подался в моряки?

– Достали, что с такой фамилией надо бороздить океан и что должен стать адмиралом.

– А сам то что, согласен?

Парень неопределенно пожал плечами.

– Качки не боишься?

– Да нет, привык.

Женька кивнула, просунула голову в каюту.

– Что сейчас собираешься делать? – спросила она Кораблева.

– Да вроде ничего. Задание выполнил.

– А другое выполнишь?

Виктор, открыв рот, панически уставился на нее.

– Да не то, – хихикнула Женька. – Хочу, чтобы ты проводил меня с экскурсией по вашей посудине. Все-таки честь для меня. Не всякому выпадает прогуляться с будущим адмиралом по пароходу.

– Какой же это пароход? – возмутился Кораблев.

– Ну, как там, ... шхуна, или как...

– Ты почему здесь? – внезапно раздался позади них командирский рык.

– Закончил уборку, разрешите идти, – вытянулся курсант.

– Ну, закончил и дуй, – ответило позади.

Кораблев вмиг исчез вместе с ведром и шваброй.

Женька оглянулась на капитана.

– Наверное, обиделся, – пожалела она мальчика, перешагивая порог. – Я хотела взять его в провожатые. Кто-то же должен меня сориентировать!

Она еще раз осмотрела каюту. Комнатка ей понравилась. Кроме одного. Кровати. И даже не своей одноярусной конструкцией, а светлым призывным покрывалом с узором по краю... Не на этой ли уютной постельке получила осложнение Ксения? Молоденькая обалденная девочка и... этот мужлан? До чего же наглый тип! Еще и часа нет, как познакомились, а он уже надоел ей хуже горькой редьки!

– Давайте, сразу разделим полномочия. Будущими адмиралами здесь распоряжаюсь я. Так что, если нужно будет подать какого-то мальчика в провожатые, придется обращаться ко мне, – услышала она за спиной голос капитана.

Женька онемела. Кто мог ее так подставить? Ксюха?! С кем еще делилась она своими симпатиями? ...

– Вот уж никак не ожидала, что вы ...такой...грубиян.

Василий не глядя на нее пояснил:

– Это просто порядок. С кораблем вам, конечно, надо познакомиться, но со своим братом.

– Каким братом? – недопоняла Евгения.

– Андреем, конечно. Фамилия то у вас одна...

– Но, мы с ним как будто бы муж и жена...По паспорту.

– Хотите переселиться в его каюту?

– Еще чего?! – взъерошилась Женька. – Уж тогда сразу в кубрик.

– Ну, вот и решили, – поставил точку в дискуссии Василий и шагнул к двери.

– Можно, я заменю покрывало? У вас, наверное, есть простое, стандартное ...

Капитан недоуменно уставился на нее.

– Меняйте. Вообще-то его Ксения оставила для вас.

– Ну да... эстафета..., – взъерошилась Женька

Капитан усмехнулся, и Евгения вдруг выступила, что ей, в общем-то, все равно, в качестве кого ее здесь примут, можно и за сестру, хотя почему не сказать всем правду, что ему просто на борт доставили на смену той, у которой подкачалось здоровье. Не выдержала качки под... Еще не закончив фразу, Женька похолодела. Что с ней происходит?! Теперь то ее точно вышвырнут на берег... Благо еще не отплыли. Она съежилась под колючим взглядом капитана, но тот ничего не сказал, повернулся и вышел. Может быть, все-таки не расслышал? Полный разброд в башке. И что несет ее поганый язык?! Женька с ненавистью уставилась на красочное покрывало, все из-за него! Не каюта – будуар!

Женька, остановившись у овального зеркала вытаращила глаза на свое безумное лицо и подумала, что ей не в круизы следовало отправляться а напрямик к психиатру. Если еще не поздно. Однако отойдя в сторону решила – полоумная так полоумная – еще не такие встречаются и принялась разбирать свои вещи. Если ей суждено остаться, то с этой минуты здесь хозяйка она! До конечного причала. Если им не станет этот.

Снаружи что-то загремело, с позвоном, и Женька догадалась, что списание на берег откладывается – корабль снимается с якорей. Шхуна дрогнула и стала перемещаться. Хорошо бы подняться на палубу, но после дурацкого выступления она не знала, как показаться на глаза капитану, да и можно ли вообще появляться на палубе? Женька понаблюдала немного в иллюминатор за берегом, но шхуна развернулась так, что земля сместилась за корпус, и видно стало одно бескрайнее море. Она вспомнила, что ей обещали экскурсию в сопровождении Андрея, и уже решила, что мероприятие отменено, как в дверь стукнули, но никто не вошел. Она, на всякий случай, пригласила неведомого гостя, – безрезультатно. Может быть, ее кто-то не слышал из-за шума на палубе? Женька выглянула в коридор. В самом деле, Андрей.

– Заходи.

Он отрицательно мотнул головой и кивнул в сторону.

– Пойдем, сестричка.

Женька насмешливо посмотрела на нее.

– Ну, что ж братец, коль есть желание.

– Я получил приказ.

– А-а, по долгу. Я думала по– родственному. Но ты же у нас человек долга...

– Да, – отрезал Андрей.

– Ну, коль тебе выпала такая тяжкая участь... Я, в принципе, могла бы и сама.

– Это инструктаж, а не вечерний моцион. Ты должна знать как вести себя в той или иной ситуации, где можно находиться...

– И с кем, – дополнила Женька. – А ситуации это, какие? Некоторые мне нравятся. Представь, если мы с тобой станем тонуть в одной каюте...

Андрей покосился на нее.

– У тебя что, плохо с головой? Разве в море о таких вещах говорят?

– А я бы согласилась. Представь, какой в последнее мгновение у нас мог бы быть секс...

– Ты ненормальная, – определил Андрей.

– Да я бы и без экстрима..., на этой фразе Женька вспомнила об объявленном ею же моратории и не закончила предложение. К счастью Андрей пропустил ее бормотание мимо ушей и Женька, вздохнув, поплелась за ним следом. Конечно, не мешало бы наставить Василию с Ксюхой по паре хороших рогов. В отместку. Развратники...

Берег уже скрылся в дымке, и вокруг простиралась лишь водная гладь. Зацепиться взглядом было не за что. Во время экскурсии по кораблю Андрей не проронил ни слова сверх тех, которыми определялись правила безопасности. Женька же все время ахала и охала. Больше для прикола, не слишком вникая в смысл услышанного.

В крошечном ресторане она изъявила желание посидеть за столиком. Андрей помялся, но уступил. Сели у кадки с пальмой. Потрогала листья, настоящие. Попыталась шевельнуть кядку. Привинчена. Потом заказала девочке в переднике, напоминающем школьный, два кофе. Андрей пить кофе отказался и Женька, пригрозила пожаловаться капитану, что экскурсовод не удовлетворяет ее желаний. Усилия ее, как будто, стали приносить плоды – Андрей, чуть заметно улыбнулся.

– Мы здесь с тобой еще побываем, братик, – не столько спросила, сколько поставила его в известность Женька, – мне нравится этот кабачок. Можно подумать, что мы в Питерском ресторанчике. Верно?

– Я в ресторанах не бываю, – признался Андрей.

– Какой-то ты у нас образцово-показательный. Может быть, ты до сих пор еще девственник?...

Брякнув глупость, она сама удивилась такому предположению. А почему бы и нет? Каких чудес не бывает! Может потому Ксюха и прилепилась к первому попавшемуся мужичонке. Неужто и в самом деле? Вот бы убедиться!

Андрей на ее треп не отреагировал никак.

Кто-то на аппаратуре повернул регулятор громкости, и усилившаяся музыка отвлекла Женьку от захватывающего открытия. Она оглянулась.

У акустики околачивались две пары. Одна девица, крашенная под блондинку в шортах, другая, худощавая шатенка в спортивном трико. Мужички поволокли их танцевать, между делом мотнув головами в сторону Андрея. Тот бегло ответил, поднимаясь и, как Женя ни упиралась, вытащил ее на палубу. Целью их экскурсии ознакомление с кораблем, а не развлекательная программа.

Солнце светило уже у самого горизонта. Небо было чистым, волны по-прежнему мелкие. Привлекательная картина бескрайнего моря сдержала Женю, собравшуюся было отчитать Андрея за насилие.

Экскурсовод не обращая внимания на ее гримасы, принялся обстоятельно разъяснять предназначение едва ли не каждой детали на корабле, однако в памяти Жени мало что осталось, зато заболела шея. Получив инструктаж, она помахала Андрею и отправилась в каюту, рассчитывая что, может быть там, застанет капитана. Зачем, она не понимала сама. Может быть, извиниться за свое дурацкое выступление, как-нибудь оправдаться, (ну такой уж язык, помело!). В конце концов, должна же она понять его отношение к себе...

В каюте командира, конечно же, не было, и Женя отправилась слоняться по кораблю уже самостоятельно. Любоваться морским пейзажем надоело быстро. Скорее от безделья, чем от голода, снова забрела в ресторан. Публики там уже поднабралось. Устроилась она за тем же столиком, где только что сидела с Андреем, окинула взглядом уже виденные лица и, прислушиваясь к разговорам, быстро выяснила, кто есть кто. За ближайшим столиком высокий парень, (он сидел на веслах в первой паре) оказался Гариком, похоже единственный курсант среди присутствующих офицеров. Судя по нашивкам на последнем курсе. Рядом с ним худощавая черноволосая девица. Как выяснилось – Ирина. Женя, живо определила, что они давно знакомы и общаются, скорее всего, по полной программе. Видимо девочка удовлетворяет его под завязку (женщины такого телосложения обычно темпераменты), потому во взгляде Гарика интерес к женщинам не прочитывается. Интересно, а где они занимаются сексом? Не в своем же общежитии, хотя оно и поделено там перегородочками. Хотя, почему бы и нет?! В таком коллективизме есть свой шарм...

Женя тряхнула головой. Что дался ей этот секс? Обычно такое необъяснимое беспокойство преследует ее в минуты опасности. Сейчас как будто нет никакой провокации. Да и посудина эта столько десятилетий, если не веков держится на поверхности и не тонет. Может быть, когда и была в сражении, но сейчас-то им боевое крещение как будто бы, не грозит. Разве что ей самой. Только с кем? Андрея, похоже, ей не поднять. Лег на дно, как лодка. А больше ей никто особенно и не интересен. Не с капитаном же! Да к ней, слава богу, никто и не пристаёт. Ни мужики, ни бабы. Разве что соседка по столу изредка поглядывает, видно почесать язык не с кем...

Ирина поглядывала на Женю, не отрываясь от своего Гарика, который как то неискренне прищуривался, когда та льнула к нему. Похоже, уже поднадоели друг другу.

Ирина время от времени отпивала шампанское, а Гарик довольствовался кока-колой. Курсантам, как поняла Женя сюда будто бы, даже вход заказан. А этот торчит здесь откровенно. Выпускники, даже перебрасывались с ним репликами.

Допив свой коктейль и выйдя из ресторана, Женя прошла мимо мостика, где бродило еще несколько таких же бездельников. Самого командира нигде не было видно. В трюме сидит, что ли? Интересно, что ему наплела про нее Ксюха? Конечно, представила сексуальной маньячкой. Хотя и представлять то особо не надо – сама уже засветилась не с лучшей стороны. Почему тогда согласился взять ее? Правда, как-то без энтузиазма. Она и в каюту то заселилась, по

сути, по собственной инициативе. Джентльмен хренов. Ни какого тебе внимания. Жаль что в открытом море, а то собрала бы свои манатки. От одной обиды.

Облазав весь корабль, Женя забрела и в кубрик, предварительно стукнув ногой в дверь. Знакомые уже парни в тельняшках культурист и поросенок резались в карты на чемодане, который пристроили в проходе. Увидев Женю, они сначала онемели, потом предложили присоединиться.

– Во что играете? – спросила она.

– Во что хочешь?

– Могу в покер.

– Неужто умеешь? – удивился «поросенок».

Культурист, усиленно выпячивавший грудь и играющий мускулами тоже недоверчиво хмыкнул.

– Деньги то с собой есть? – спросил, слезая с верхней кровати, белесый парень, которого Женя раньше не заметила.

– Есть немного. Ставки будем делать мелкие. А то оставлю вас нищими.

– Ой, ой, ой! – захохотал «молочный».

Вначале игра пошла для Жени неудачно, но она, поблефовав немного все же умудрилась перехватить инициативу и на третьей партии парни уже с опаской поглядывали на шулера в юбке. После того, как ребятам пришлось пару раз раскошелиться обстановка накалилась до того, что голос над их головами прозвучал как гром среди ясного неба.

– Это что за дела?! Азартные игры? Это что вам здесь, Лас-Вегас?

Женя подняла голову. Долгожданный. Его и искать то надо там, где что-то происходит... МЧС! Курсанты тотчас побросали карты на чемодан, а выцветший стал их поспешно сгребать.

– Мы не на деньги, – проблеял кто-то.

– На что же?

Женя вскинула голову.

– На меня. А если выиграю я, то сама выбираю партнера. Вот я выбрала бы этого, с ямочками на щечках. Такой аппетитненький...

– Да врет она! – покраснел «поросенок». – На деньги мы играем.

Женя засмеялась и поднялась.

Василий Васильевич, никак не прокомментировал ее выходку. Выйдя в коридор, Женя подумала, что теперь-то он точно спишет ее на берег в первом же порту, и уже ждала, что он предварительно устроит ей выволочку но, как не замедляла шаги, никто ее не нагнал. Еще с полчаса Женя просидела в каюте в ожидании расправы, но напрасно. Она же хотела свободы. Вот она ей и предоставлена. Правда, радость почему-то не распирает. Оставалось завалиться спать, тем более что за иллюминатором уже стало темнеть. Женя разделась и забралась под одеяло. Вспомнила, что так и не поменяла покрывало, но поленилась подниматься.

Сюрпризы, однако, не заставили себя ждать. Женя проснулась посреди ночи от качки и почувствовала тревожное возбуждение. Как на качелях. Одеться толком не было возможности, и она натянула юбку и кофту прямо на голое тело. Пол ходил ходуном и, чтобы дойти до двери пришлось держаться за стену. Кое-как добравшись до выхода, она вывалилась в коридор, затем опять же вдоль стенки умудрилась сделать несколько шагов (нигде никого), но у каюты помощника потеряла равновесие, ухватилась за ручку и ввалилась внутрь.

– Пардон, – извинилась она, но разглядев, что кровать пуста, ухватилась за спинку и села на матрас.

– Черт побери! Никого, – пробормотала она и сверху тотчас же свесилась голова Андрея.

– Ты что здесь делаешь? – удивился он.

– Откуда я знаю. Ищу кого-нибудь. Хотела выйти на палубу, да влетела сюда. Какое-то светопредставление.

Посудина то эта не развалится?

– Да разве это качка? Мелочи. Скоро закончится. Ветер переменный потому приходится маневрировать. А на палубе тебе делать нечего. Высунуться можно только в хорошую погоду. Я же полдня втолковывал. За борт вывалишься, никто и не заметит.

– Да и пусть..., – уперлась Женька. – Капитан то где?

– В рубке. Меня отправил отсыпаться, я только что отдежурил.

– Бабник хренов, обещал опекать, а уж скоро вторые сутки пойдут. А вдруг у меня, от страха, недержание, сил нет...

– Тебе что, плохо? – не понял ситуации Андрей и приподнялся.

– Еще как...

– Я могу помочь?

– Конечно! Только спустись вниз.

Женя ухватила за перекладину верхнего яруса и поднялась.

До Андрея дошло, наконец, о чем речь и он хихикнул.

– Ну, ты даешь... А капитан зайдет?

– Что с того? Женщина я крепкая выдержу и двоих, – уже со злости заявила Женька, отпрянула от верхней кровати и осела. – А где все остальные, наверху?

– Конечно. Надо же парусами работать... А всех не многовато ли будет? – съязвил Андрей, но быстро поправился: – Ты, наверное, придуливаешься, Женька?

– Да просто я не скрываю своих желаний, пусть они даже и со страху.

– Качка сейчас закончится, – заверил Андрей, потом добавил:

– А с чего ты решила, что наш шеф бабник? Кто такое ляпнул?

– Родная твоя.

– Ксюше везде маньяки мерещатся. Нормальный он мужик.

Женя хмыкнула.

– Зато у тебя, все нормальные... Мне бы хоть одного озабоченного. Скажи мне, ...а что у тебя на меня... уже никакой реакции?

– Почему уже? Ее и не было. Ты же подруга Ксюши.

– Ну да, долг. Да ты этой подруге до одного места, – брякнула Женя, но тут же опомнилась – Я не то имела в виду...

– Да нет, все верно. Иди Женя, мне надо выспаться.

И не вздумай на палубу.

– Да я за борт не слишком-то и тороплюсь. И сюда попала случайно.

Качка действительно ослабла и Женя уже без труда выбралась в коридор. Достававшее ее возбуждение стало ослабевать и, когда, открыв дверь, она наткнулась на капитана, завалить его сразу за порогом уже не хотелось.

– Ты где бродишь? Ведь сказано, в непогоду ни шагу из каюты! А вывалишься?!

– Неужели стало бы жаль? – усомнилась Женя.

Капитан осел на табурет.

– Конечно, молодая ведь еще...

– А была бы постарше, то можно бы и за борт?

– Да просто нет желания отвечать за тебя.

– Так я и думала, – вздохнула Евгения.

Капитан не стал переубеждать ее, а лишь спросил, как она переносит качку, нет ли у нее с этим проблем.

– Не мешало бы добавить амплитуду колебаний, с кем-нибудь.

– Все равно с кем? – поинтересовался командир.

– Абсолютно, – зло засияла глазами Евгения.

– Ты на самом деле такая озабоченная?

– Опоздали. Озабоченность уже прошла. Теперь хочу спать.

Капитан ничего не ответил и принялся что-то разыскивать в ящике тумбочки.

Женя, не дожидаясь, когда Василия выйдет, сдернула с себя кофту, потом, расстегнув, уронила на пол юбку. Больше на ней ничего не было. Полная готовность. Не станет же она объяснять, что, с перепугу, не успела одеться толком.

– Ложись в постель, не отсвечивай голой жопой, – проворчал капитан, сворачивая трубочкой какую-то бумагу.

Женя заползла с головой под одеяло, но в щелку видела как Василий, сунув руку в карман брюк, шагнул к выходу. Наверное, тоже боится качки.

Торчать все время в ресторане, каким бы он уютным не был, Жене быстро надоело, и она принялась осваивать другие объекты развлечений. По ее настоянию надувные бассейны все же установили и заполнили условно подогретой водой. Условно, потому что за дефицитом электроэнергии использовали подогреватели малой мощности, которых хватало лишь на то, чтобы поднять столбик термометра на три-четыре значения. В сумме это едва переваливало за пятнадцать по Цельсию, но желающих поплескаться оказалось неожиданно много. За счет температуры тел купель нагревалась немного больше, хотя до значений южного побережья все же не дотягивала. Посиневшие от передозировки спасались в каютах, другие заворачивались в махровые простыни и валились в шезлонги. В соседнем от Жени «окуклилась» Ирина, подруга Гарика, которого на этот раз не было поблизости (иначе бы она на нем висела) – видимо на вахте или отбывает наказание за самовольство...

– Не мешало бы побольше солнца, – пробормотала она, высунув нос из рыжей махровой простыни и обращаясь к Жене.

– Для осени и этого немало, ждать можно только худшего, – хмыкнула Евгения.

– Я смотрю ты все одна...

Жене не хотелось чесать язык, она попыталась промолчать, но любопытные глазки соседки не оставляли ее в покое и той поневоле пришлось процедить:

– Я с братом, а он сейчас на дежурстве.

– Мой Гарик сегодня тоже на вахте, мы недавно поженились. Ты обратила внимание он до сих пор в курсантской форме, а окончил училище вместе со всеми, кто уже в офицерах. Я его подвела. Вернулась из поездки, возила маму на лечение в Карловы Вары, когда он должен был сдавать самый дурацкий экзамен, и позвонила ему. Не вытерпела. Он и сорвался ко мне. На экзамен, конечно, опоздал... Хорошо твой взял его под крыло, по окончании похода ему должны вернуть диплом, если все пройдет благополучно... А и правда, вы с ним похожи, как я сразу не заметила. Хотя и разница большая.

– В чем? – перестала понимать собеседницу Женя.

– Ну, в возрасте.

– Ты кого имеешь ввиду?

– Ну, как кого, капитана же, конечно.

Не удержавшись, Женя хихикнула. Такого расклада она никак не ожидала.

– А что, не он? – удивилась уже Ирина.

– Да нет, все правильно, только мне казалось, что он еще не такой старый. Наверное, потому что все время у меня на глазах...

– Нет, нет, я не сказала старый, он еще очень даже... Я знаю тут одну, она официантка, с ума по нему сходит.

Женя даже приподнялась.

– Это которая, отбеленная?

– Ага, Юля. Все кофе ему носит на мостик, но он вроде бы не очень к ней, только раз видела как он ее приобнял в утешение, когда она чашку с кофе уронила за борт. Поставила на перила, чтобы поправить передник.

У Жени, к собственному удивлению испортилось настроение и, чтобы как-то отвлечься, она стала уже сама управлять темой.

– Так вы в свадебном путешествии, можно сказать?

– Ну, похоже на то. Гарик, как бы на исправительных, а твой Васильевич взял и меня. Говорят, ему может нагореть за эту инициативу, что нас баб взял. Так он же настоящий мужик! Таких сейчас днем с огнем... Тут не одна только Юля по такому с ума сойдет.

– А что, еще кто есть? – насторожилась собеседница.

– Да это я так...

– А что же Юля, – не выдержала Женя, – она с кем?

– Она подруга Геши, того, что с бицепсами, но они вроде поссорились, уж не знаю отчего. Может из-за капитана, хотя он-то тут, скорее всего ни при чем.

– Откуда ты знаешь?

– Ну, это сразу заметно, Даже по взгляду можно определить. У него глаза к ней равнодушные. Пустые.

– Может, делает вид.

– Может. Хотя ему то что, ведь не женат.

– Ну, все-таки подруга курсанта, какой тут может быть взгляд...

– Ну, уж не скажи. Тут жена Андрея, Ксюша, которую списали в Таллинне, была, так у него глаза как фары горели. Ничего что муж под боком. Конечно, он вряд ли на что решился бы, но мужика сразу видать. И тебя он видно любит, но это обычное дело. В семье старшие всегда опекают и привязываются больше к маленьким.

– Ну да уж, любит, – сделав над собой усилие, усмехнулась Женя.

– А ты как будто не знаешь...

– Ну а я?

– Что?

– Я его люблю? Это заметно?

– Ой, с бабами совсем по-другому! Мы же такие лицемерки... А, потом, к своим это как-то не так...

– Ты не цыганка, случайно?

– Нет, – засмеялась Ирина, – хотя принимают за цыганку, потому, что черноволосая, да и кожа сейчас...

Женя поднялась.

– Ты куда?

– Схожу в спортзал, разомнусь на тренажере, покручу педали.

– Ну, так я с тобой, можно?

– Отчего же нет, – обречено протянула Женя. Некоторые детали разговора с Ириной испортили ей настроение, и хотелось побыть одной.

Зал был почти пустой, лишь легкий на помине культурист размахивал гантелями. Увидев женщин, попытался что-то сказать, возможно, приветствие, но от натуги выдал что-то невразумительное. Женя взглянула на его лоснящиеся бугры мышц, от которых в зале стоял горьковатый запах пота и отвернулась.

– Мне тоже такие не нравятся, как будто мясной породы. У них, говорят, все на бицепсы уходит, наверное, потому Юлька и мается, – шепнула Ирина и тоже сморщила нос.

Лишь после обеда Жене удалось оторваться от новоявленной подруги (сослалась на плохое самочувствие). Повалявшись с полчаса на кровати, она встала, осмотрела себя в зеркале, подкрасила губы, подвела карандашом линию бровей, поправила прическу и отправилась на палубу. Капитан был на мостике. Она увидела его издали, сквозь стекло.

Недолго думая, поднялась на командный пункт. У штурвала Гарик напряженно всматривался вдаль. Василий что-то изучал по карте.

– Можно?

Капитан взглянул на нее мельком и вернулся к своему занятию.

– Вообще – то нельзя, но если очень хочется... Что-нибудь случилось?

– Нет. Просто захотелось посмотреть, где ты пропадаешь.

Капитан уже внимательнее посмотрел на нее. Скорее всего, потому, что назвала его на «ты». Взгляд командира показался ей теплым, но до света фар далековатенько.

– Ну, посмотри, только ничего не трогай.

Женя огляделась мельком вокруг и принялась с пристрастием разглядывать Василия. Может быть изгиб губ, напоминающий улыбку и похож на ее, но вот все остальное... Видимо у Ирины врожденное косоглазие или она страдает галлюцинациями. Никакого сходства с собой в его внешности она не обнаружила. Даже глаза другого цвета...

– Ну, как впечатление? – спросил капитан.

Женя округлила глаза.

– Да, в общем-то, ничего, завораживающе... Смотришь, как из орлиного гнезда.

– Приходилось бывать и там?

– Где только... да нет, просто представляется ...

Капитан усмехнулся.

– Отчего маешься-то? Заняться нечем?

«Некем» – едва не брякнула Женя, но вовремя прикусила язык.

– Так сходи, посмотри видик в красном, или почитай. У нас есть библиотечка. Плыть осталось недолго. Считай половина пути позади, хотя предсказывать, тут не стоит.

– Так в вашей библиотеке, разве что героическая летопись, в лучшем Пикуль... А видик, уж можно представить, одни боевики, да патристические фильмы.

– Так, а что бы ты хотела? Не эротикой же их потчевать. Так до бунта на корабле недалеко. Молодежь горячая.

– Да уж я бы не сказала.

– Что так? – скосил на нее глаза Василий. – Не везет?

– Да я не очень-то стараюсь, – призналась Евгения.

Василий, снова задержал взгляд на ее лице и, теперь уже, определенно и почти по-настоящему улыбнулся.

Уже вечером, когда следовало подумывать о сне, она зашла в каюту помощника, предварительно постучав. На это раз оба были на месте (Андрей читал книгу, лежа одетым на постели, а капитан пристраивал свежий воротничок на китель). Женя, дождавшись, когда обе головы повернутся к ней, объявила, что их родственные связи, по причине некачественной первичной информации пересмотрены. Согласно устоявшейся людской молве она теперь кровная сестра капитана, по этой причине с Андреем порывает всякие отношения, а новоявленного братца просит проявлять к ней внимание и заботу, какую старшие проявляют к младшеньким. Тем более что она, кажется, приболела, есть температура, хоть и не высокая.

– Накупалась! – немедленно приступил к воспитательным функциям капитан. – Выброшу к чертям все бассейны..., потом мотнул головой и хмыкнул, – Тупые...

Последнее, возможно, не относилось к присутствующим.

– Бассейны тут ни при чем. Я думаю, что продуло ночью, когда выходила на палубу. Ветер был холодный, да еще брызги от волн.

– Страдаешь бессонницей?

– Непривычная обстановка, да и одной бывает страшно, особенно в непогоду.

Василий кашлянул и зачем-то выглянул в иллюминатор.

– Ладно. Иди, ложись в постель, сейчас принесу лекарство, – пробормотал он, не оглядываясь.

В каюту Женя уже летела, хотя изо всех сил пыталась притормозить. «Блаженная» – ругала она себя, но в каюту не вошла, а впорхнула. В ход немедленно пошли дезодоранты, помады...

Закончив минимум отделочных работ, Женя скользнула под одеяло. Презренное покрывало решила не сбрасывать. Ловушка расставлена, охота началась, однако за дверью тишина. Худшим вариантом могло быть, если бы капитан вдруг раздумал, или его слова оказались шуткой. Но она из последних сил надеялась на то, что, на этот раз все получится и ее даже стало трясти от нетерпения. Она не могла припомнить, чтобы, когда-нибудь, в своей жизни, кого-нибудь, так ждала. Неужели сорвется?!... Когда, наконец, раздался осторожный стук в дверь, она не смогла сразу отозваться и даже не расслышала своего голоса. Дверь, тем не менее, открылась, и вошел мужчина в белой сорочке и в серых брюках. Она даже не сразу узнала в нем капитана. В гражданской одежде он был совсем другим. Наверное, ощущение официоза и вылило на нее ушат холодной воды в ту ночь, когда она перед ним разделась. У Жени даже выступили слезы, и она вновь ощутила тот прилив желания, растекающийся по телу нетерпеливой дрожью.

Василий держал в руках какие-то упаковки и стакан с водой, но, заглянув в потянувшееся к нему лицо Жени, сунул принесенное на столик и, сел на придвинутый стул. Он бесконечно долго и внимательно изучал ее глаза, губы, лоб...

– Ну что же ты! – прошептала на одном дыхании Женя. – Лечи же!

Закрыв глаза, она почувствовала, как его губы коснулись ее лба. Женя тотчас подалась навстречу, но ощутила пустоту.

– Температурка, конечно, небольшая, но лечиться надо. Предписывается постельный режим. Вот здесь таблетки, водичка... Выпей парочку на ночь, завтра посмотрим, – услышала она его голос уже со стороны.

Это означало, что сеанс лечения закончен. Женя открыла глаза, проследила, как он неспешно открыл дверь и так же аккуратно прикрыл за собой, потом откинулась к подушке. И это тот самый бабник, о котором ему бормотала Ксюха?! Это что же, даже всех ее прелестей недостаточно, чтобы сдвинуть с места мужика, который должен уже озвереть от воздержания?! Да это просто какое-то плавающее бревно в морской форме. Топляк!

Утром она обнаружила, что у нее и на самом деле температура. Среди принесенных капитаном таблеток на столике нашла термометр и сунула его под мышку. Предположения оправдались. Зашкалило за тридцать семь. Женю это обстоятельство воодушевило. Будет повод повыдываться. Умывшись и наведя свежий макияж, она снова забралась в постель, и стала ждать. Должен же ее хоть кто-то спохватиться!

Ее отсутствие на завтраке, однако, никого не встревожило, и в пустых ожиданиях она провалялась до обеда. Этот «кто-то» не то, что сам не заглянул, но даже не прислал какого-нибудь дневального (или как тут у них...), чтобы поинтересоваться, жива ли. Ведь больная все-таки... Вот они подлецы-мужчины! Во всей красе.

Уже стало доставать чувство голода, и Женя решила больше не ждать милости, подошла к двери и стала прислушиваться к шагам. Некоторое время спустя ей повезло – кто-то прошел мимо каюты. Женя быстро распахнула дверь и увидела со спины знакомую фигуру упитанного курсантика.

– Эй,... Хрюша! – окликнула она. Курсант замер и обернулся.

Это действительно был тот самый «поросеночек», который предпочел бы получить в качестве выигрыша деньги, а не женщину.

Узнав Женю, он подошел к ней с перепуганным видом.

– Слушай, не называй меня так. Ведь братва подхватит, сживут со света! – громким шепотом взмолился он. У него от волнения даже, кажется, слегка порозовели уши.

– Так я не помню твоего имени.

– Да Стас я!

– Ну, прости, Стасик! Скажи, у вас врач то здесь есть?

«Поросеночек» с недоумением уставился на нее.

– Так кап наш, ты че, не знаешь? Он же и врач. Сестричка называется...

– Ну, я думала, занимается еще кто-то... – попыталась восстановить нарушенную конспирацию Женька.

Стасик пожал плечами.

– Да нет, экипаж же маленький. Это ж тебе не какой-то там авианосец. А ты че, заболела?

Женька подумала с минуту, хотела, было не признаваться, но решила не рисковать. Что-то не похоже, чтобы капитан всполошился да и произойдет ли это раньше, чем обнаружат в каюте ее высохший от голода труп...

– Температура у меня. Скажи там моему братцу.

Стасик, окинув ее взглядом, кивнул.

– Скажу, а ты ложись.

Он уже отправился было по коридору, как Женька вновь окликнула его.

– Стасик, принеси мне потихоньку бутылку коньяка, возьми деньги, – она сунула ему в руку купюру.

Курсантик озадаченно поскреб в затылке, но деньги взял.

Евгения вернулась обратно в постель и даже уснула на некоторое время, но спала чутко и, когда открыла глаза, убедилась, что ее так никто и не навестил. Ни Хрюша, ни капитан, ни какой-нибудь дневальный. Лишь ближе к вечеру, когда Женька уже отчаялась, что о ней вообще кто-нибудь вспомнит, и собралась, было, сама отправиться на поиски пропитания, как дверь каюты распахнулась, и долгожданный перешагнул порог. Как ни в чем, ни бывало.

Женька с укором наблюдала, как он осматривался, приближался к кровати.

– Ты, в самом деле, больна? Что-то вчера я не обнаружил ничего серьезного и температура не зашкаливала.

Женька едва не заплакала от обиды.

– Не тем мерил. У меня температура весь день.

– Сколько? – коротко спросил он.

Женька замешкалась и назвала первое, попавшее что пришло в голову.

– Было за тридцать восемь.

Василий присел на табурет и положил прохладную ладонь на лоб больной.

– Тридцати восьми, может быть и нет, но это даже хуже. Почему не принимаешь лекарства? Я же принес тебе целую аптечку. Открой рот, я посмотрю горло.

– Не надо, не болит, – проворчала Женька, отворачивая голову.

– Ничего страшного, пройдет, – уверил ее капитан. Пей больше жидкости – компоты, чай, теплую минеральную...

Женька чуть не заревела.

– А кто их мне принес?!

– Ты что же, ничего и не ела сегодня? – как будто удивился чурбан.

– Уходи! – вспылила Женька. – Умру и без твоей помощи.

Василий Васильевич фыркнул. Потом принялся объяснять, что у них там была нештатная ситуация и вообще он считал что Женька женщина самостоятельная и может сама позаботиться о себе. Он же на службе... В заключение капитан пообещал, что сейчас подаст ей обед и все, что нужно для укрепления организма.

Минут через пять, после того как он ушел, в дверь поскреблись, и в открывшуюся щель просунулась рука с бутылкой того, «что нужно для укрепления организма», затем и сам Стасик. Не переступая порога, он сунул ей коньяк и, подмигнув, спросил шепотом.

– Может быть еще чего?

Женька усмехнулась.

– Еще чего ты взял вчера, как мне помнится, деньгами.

Стасик хихикнул и исчез.

Поднос с множеством блюд, фруктами, напитками, принес вовсе не капитан, а незнакомый курсант, который, очень осторожно поставив ношу на столик и не произнеся ни звука и даже не повернув в ее сторону головы, тут же вышел. Словно приходил в пустое помещение. Женька уже уставшая возмущаться от невнимания взглянула на передачу. Натюрморт ей понравился. Посредине всяческих яств был водружен ананас, предварительно порезанный на дольки, который и навел на мысль закусить им порцию коньяка, поскольку, уже догадывалась, что судового врача ей сегодня не дождаться.

Шхуну больше не швыряло так, как в первую ночь, спать можно было спокойно, но Евгения, с наступления сумерек, не могла задремать, поскольку провалялась весь день в постели, да еще от обиды, что ее так кинули. Пока тьма не сгустилась, она поторчала у иллюминатора, за которым смотреть абсолютно было нечего – лишь один раз, на самом горизонте, ей показалось что-то похожее на судно с крошечными огоньками по всей длине. Может быть какой-то теплоход. Это все, что напоминало о жизни по ту сторону стекла. Не было даже вездесущих чайек.

С палубы донеслось, что-то похожее на звон колокола и Женька, взглянув на часы, поняла, что никакого чуда сегодня не произойдет. Этот «очень уж рискованный» мужик на деле опасается лишнего раз промелькнуть у ее дверей, а не то чтобы навестить ее посреди ночи. И о каком это отважном капитане трепались все, начиная с Ксении?... Начало вроде бы было обнадеживающим, но что дальше? Чем она его откинула? Что-нибудь брякнула не к месту? Кто знает. Но даже если и так? Мало ли что треплет ее неуправляемый язык... Если она и несла какую-то несусветицу, или не выбирала выражений, что же из этого надо делать какие-то выводы? Прикопаться можно к каждому. Что же ей теперь учиться заново говорить, заново мыслить, может быть заново ходить?! Да пошел бы он сам, вместе со своим...

Решительно сбросив с себя всю одежду, Женька забралась под одеяло, полежала с полчаса, затем, еще более решительно, выпрыгнула из постели, налила с полстакана коньяка, выпила, улеглась было на место, и скоро почувствовала, как кровать уходит из-под нее. Снова шторм, или это алкоголь? Провалы были плавными, словно она снова на качелях и Женька, чтобы понять, откуда провокация поднялась, быстро накинула на себя платье и выскочила за дверь. Уже в коридоре она поняла, что сегодня ей море по колено, поднялась на палубу, посмотреть кто на капитанском мостике, и тогда уж решить, куда ей вламываться – в рубку или в каюту.

На палубе было уже совсем темно, лишь кое-где фонари высвечивали нижние паруса, реи, фрагменты надстроек. Небо черное, звездное и безлунное. Как следствие вокруг корабля сплошная тьма. Свет на мостике был таким тусклым, что Женька долго не могла различить не только лиц, но и фигур. Пришлось приблизиться к самому стеклу. Невезуха! На вахте оба – Василий и Андрей. Может быть, кто-то из них скоро и покинет мостик, но, когда это произойдет? Может быть, они теперь и дежурят вдвоем. В целях безопасности. Как бы эта Женька – маньячка не лишила кого из них девственности.

Она все еще не осознала своих намерений, но уйти, так и не выяснив, отчего этот противный перерзевший мужлан избегает ее, она не могла. Бессонная ночь ей обеспечена в любом случае, но если ее по-прежнему будут донимать сомнения, догадки, к утру можно и умом тронуться. Женька уже не задавалась вопросом, зачем ей все это нужно, она просто испытывала потребность в разборке и никакая сила остановить ее уже не могла.

Чьи-то шаги за углом надстройки заставили ее прижаться к ступеням, ведущим на мостик, а затем и спрятаться под ними. Однако на освещенную часть палубы, которую она только что покинула никто не вышел. Шаги были негромкими и порыв ветра, внезапно прошумевший в снастях, вообще заглушил их.

Когда ветер стих Женька решила, что у нее уже начинаются слуховые галлюцинации и собралась все же подняться на мостик. В конце концов, должно же у Андрея достать сооб-

разительности оставить их на минутку. Едва она подняла ногу на первую ступень, как дверь стала медленно приоткрываться и одновременно из помещения послышались голоса. Из разговора было понятно, что кто-то покидает пост. Женя снова нырнула под лесенку, и над ее головой протопали ботинки Андрея. Она проводила его взглядом, мысленно перекрестилась и, как только он исчез, живо взлетела наверх. Капитан уставился на нее так, словно на метле влетела баба Яга.

– Что, стало хуже? – придя в себя, спросил он и снова отвел взгляд куда-то вперед, на слабо освещенный нос корабля, за которым все равно была непроглядная мгла.

– Нет, мне надо знать ...ответ на один единственный вопрос, чтобы я могла спокойно уснуть. Мне все равно, что ты ответишь.

– Тогда зачем спрашивать? – резонно хмыкнул капитан. – Выбери ответ, какой тебе больше нравится, и спокойно ложись спать, а то на завтра прогноз неутешительный, отдохнуть, может быть, не придется.

– Нет, я должна услышать, – твердо заявила Женя.

Капитан снова хмыкнул и повернул голову куда-то в сторону.

– Сбегай Козырев в радиорубку, нет ли каких новых сообщений от метеослужбы. Я подержу штурвал.

Женя только сейчас разглядела курсанта вцепившегося в колесо со спицами и от неожиданности икнула.

Курсант как стоял к ним боком, так и выскользнул из помещения.

Едва за ним закрылась дверь, Женя повернулась к Василию. Коньяк уже вовсю гулял по сосудам.

– Я знаю, что занимаю здесь не свое место, что будь на моем месте другая, и все было бы совсем по-другому...

Женя тряхнула головой, но только что подготовленное выступление куда-то бесследно испарилось, и она с тоской подумала, что ко всему негативу, который она произвела на капитана прибавиться еще и то, что она и двух слов связать не может. От этой мысли она растерялась окончательно и беспомощно всхлипнула.

Василий, с любопытством поглядывавший в ее сторону вдруг улыбнулся, поймал ее свободной рукой за талию, притянул к себе, чмокнул в щеку и попытался подтолкнуть к выходу. Женя не поддавалась, и оттянула его руку вниз. Мужская ладонь миновала кромку короткого подола, соскользнула на обнаженное бедро, где Женя потянула ее вверх по голому телу. Когда ребро ладони погрузилось во влажную горячую расщелину, она притиснулась к нему и прошептала:

– Я готова хоть на этом колесе...

– Да, температура повышается, – согласился капитан и с усилием отодвинул Женю. – Не губи невинные души здесь опасно и поднялась волна. Иди, ложись спать. Я приду, ... когда протрезвеешь.

По лестнице раздался отчетливый звук шагов, и Женя отпрянула. Вернулся курсант и доложил командиру, что к метеосводке поступила поправка, согласно которой циклон меняет направление и завтра ожидается относительно спокойная погода. Женя взялась за ручку двери, не отрывая взгляда от командира, но тот смотрел только в окно, и не изменил позы, даже когда Женя приоткрыла дверь.

– Лекарство я занесу завтра, – сообщил он, куда – то в пространство.

Когда Женя все еще возбужденная направилась в каюту, в полумраке, за углом надстройки, ей показалась какая-то фигура. Толком разглядеть, кто это, было трудно, хотя по походке и общему очертанию, было, похоже, что это женщина. Женя убедилась в этом уже в коридоре, заметив, как мелькнул край платья за одной из дверей. Потом тихонечко скрипнула

дверь. Которая именно она не поняла. Да и не все ли равно? Разве она одна страдает бессонницей? У каждого на это свои причины. Может быть подруга рулевого...

Обещание лекарства на завтра было лучше, чем ничего, правда она предпочла бы, чтобы его ввели ей сегодня, сейчас. Скользнув под одеяло, она стала на колени и, опершись локтями в жестковатый матрас, прогнулась. Жаль, он оттуда, с мостика не видит ее потрясающей кормы. Разве смог бы он откладывать на завтра то, что можно проделать сегодня... Хотя бы разочек. Наверное, на большее его не хватит. Ведь не девятнадцатилетний, как тот поросенок. Взрослому мужику, конечно, нужно время на реабилитацию. А сосунку... Они же гиперсексуальны и частенько забывают о партнерше. Хочется отстегнуть такому предмет, над которым он трудится, и заняться каким-нибудь полезным делом. Женька попыталась представить себя в постели с поросенком, но детали воображаемого секса, с малолетним, не складывались, и она снова почувствовала руку Василия, его сдержанное дыхание за своей спиной. Она даже подалась назад, но ягодички лишь натянули одеяло, под которым кроме ее самой никого не было. Женька простонала от разочарования и, упав навзничь, сунулась головой под подушку.

Утром Женька, вспомнив минувшую ночь, едва не умерла от ужаса и пожалела, что проснулась. Первой ее мыслью было прыгнуть за борт, исчезнуть с этого проклятого корабля, исчезнуть совсем, чтобы ни одна живая душа и не вспомнила, что была здесь беспросветная пропитуха, от которой мужиков надо прятать за семью замками. Конечно, она с самого детства знала, что рано или поздно этим закончится. Яблоко от яблони... Гены безжалостны, и никаким самовоспитанием с ними не справиться. Можно только сиганув за борт покончить с их издевательством. Женька заметалась по каюте, схватила подвернувшиеся лист бумаги и карандаш, набросала несколько слов, сунула его рядом с лекарствами и принялась рыскать по углам.

Во встроенном шкафу обнаружила гирю и, разорвав по длине простынь, привязала к ней один конец. Получился надежный якорь – увесистый конец всему, уродливому, несостоявшемуся, позорному... Надо только торопиться, ни о чем не думать, ничего не вспоминать, остановить сознание на паузе... Женька, подхватив гирю, дернула дверь. Заперта. Дернула снова. Без результата. Все, время упущено! Женька уронила гирю, обреченно поплелась в постель и закуталась в одеяло с головой...

Очнувшись оттого, что кто-то тронул ее за плечо. Она инстинктивно втянулась еще глубже. Та же рука тронула ее снова, мягко, не настойчиво. Она высунула нос, ожидая увидеть женское лицо. Нет, капитан! Женька снова исчезла в своей норе.

– Мне стыдно! – всхлипнула она из-под одеяла.

– Это хорошо! – услышала она его голос. – Значит не все потеряно.

Женька недоверчиво выглянула из своего кокона.

– Извини меня, – совсем непонятно почему вдруг раскаялся он.

– За что?! – не выдержала Женька. – Я сама, как последняя проститутка...

Василий мягко зажал ей рот ладонью и покачал головой.

– Все. Пьянку прекращаем. И все наладится.

Он наклонился, поднял с пола пустую бутылку из-под коньяка и с удивлением посмотрел на Женьку.

– И все одна? Сильна... Ну, все, умываемся, завтракаем, заупокойных писем больше не пишем и готовимся к причалу. Завтра Стокгольм.

Василий скомкал бумагу, вероятно, ее записку, сунул ее в карман и вышел. Женька обвела взглядом каюту. Гири куда-то исчезла, зато на краю кровати появилась аккуратно сложенная свежая простынь.

По расчетам капитана в Стокгольм должны прийти рано утром и, во второй половине дня, он объявил аврал. Вся команда занялась мытьем и чисткой судна. Относительно спокойная погода оказалась, менее спокойной, чем хотелось бы, корабль побалтывало, но Женька, уже не так остро реагировала на колебания пола под ногами. Не попав за борт, она в качестве реа-

билитации прописала себе исправительные работы – напросилась на мытье полов. Специальность, которой владеет каждая женщина. Василий Васильевич, похоже, даже остался доволен ее инициативой, правда поинтересовался (в кои – то веки!) хорошо ли она себя чувствует. Женька уверила его, что болезнь позади и никаких рецидивов не предвидится. В конце концов, тот согласился, но план задания для нее составил лично, в который включил каюты и коридор, до кубрика (ни шагу за порог!).

Жене выдали швабру, пару ведер и пачку стирального порошка. Перед тем как приступить к выполнению ответственного задания она заявила, что всегда все делает качественно, потому просит в процесс никому не вмешиваться. Капитан, соответственно, предупредил всю команду, чтобы в течение двух часов в кубрик не шастали и чтобы ни единой живой души в коридоре... Курсанты похихикали за углом, а новоиспеченные офицеры приняли предупреждение как боевой приказ. Каждый из них был назначен ответственным за определенный объект. Участок, порученный Жене, вошел в территорию, которую курировал Андрей. Правда, одновременно под его ответственность был определен и трюм, откуда он вряд ли выберется до конца аврала.

В каюте Женька натянула на себя тонкое тренировочное трико и футболку с какой-то аббревиатурой на груди.

Покрутившись с минуту у зеркала, она решила, что выглядит вполне сексуально (на случай если капитан надумает заявиться с проверкой) и с энтузиазмом принялась за работу, начав со своей каюты. Воду носить издалека не пришлось – пожарный гидрант был здесь же, в коридоре...

Когда она уже заканчивала мытье полов у дверей кубрика, в другом конце коридора появилась какая-то мужская фигура, которую она не смогла рассмотреть толком и которая не привлекла бы внимание Жени, если бы не странная походка. Слишком неуверенная для того, чтобы списать на качку, которая к этому времени прекратилась. Она поняла лишь, что кто-то, вопреки запрету капитана переступил границу запрещенного объекта, к тому же изрядно заложив за воротник. Отчаянная голова!

Отвернувшись к двери, Женька наклонилась, чтобы отполоскать и отжать тряпку, но не успела закончить процесс, как чьи-то руки подхватили ее сзади, за ягодицы, подтолкнули коленом, и она ввалилась в кубрик, где упала на ближайшую кровать. В ярости она подняла голову. Перед ней стоял Геша-культурист с выражением отчаянной решимости на пьяной физиономии.

– Ты что?! – вскрикнула Женька, сожалея, что потеряла в полете тряпку. Отхлестать бы по нахальной морде!

– Не ори! Все равно никто не услышит. Я же знаю, тебя трахает капитан, не знаю уж какая ты у него сестра... и мою Юльку тоже. Вот сейчас мы и будем квиты.

Он принялся расстегивать широкий ремень с якорем на бляхе, а Женька скользнула взглядом чуть ниже. Признаков крайней опасности в этой области она не обнаружила, но поняла, что освободиться будет нелегко, если возможно вообще – парень заполнил своими мышцами весь проход.

– Да я разве возражаю? Как можно отказаться от такого красавца! Это же мечта! – вкрадчиво и даже с улыбкой принялась блефовать она. – Только не сегодня, у меня день такой, самый критический. Можно ведь отложить на завтра. Найдем уголок, можно даже в Сток-гольме, где-нибудь в отеле или останемся на судне...

Запевая колыбельную, Женька поднялась с кровати и попыталась осторожненько протиснуться к двери. Если предположить что текст песни мог быть убедительным, то попытка удрать выдала уборщицу с головой, и фокус не получился.

– Врешь! – зло рыкнул культурист, отшвырнув Женю, словно куклу, обратно на кровать. – Устроили плавучий бордель, и падишах имеет тут каждую, кого пожелает.

– Что за бред ты несешь?! – взвилась Женька. – Я его сестра!...

– Сестра? Да не этой ли сестре задирали юбку прямо на капитанском мостике, а следующая сучка, стояла за углом и наблюдала? Ожидала своей очереди, потаскуха!

Женя тотчас же вспомнила таинственную женскую фигурку, притаившуюся за надстройкой, а потом мелькнувшую в коридоре. Действительно, это была дверь той секции, где эту Юлю поселили... Евгения в шоке осела обратно на кровать и не заметила, как дверь открылась и кто-то вошел, потому лицо капитана, появившееся из-за спины Гешы, она восприняла как привидение. Голос командира, однако, развеял сомнения в реальном присутствии.

– Что здесь происходит?

Взглянув на бледное лицо Жени, а затем на Гешу, все еще державшегося за расстегнутые брюки он все понял и, выдернув ремень курсанта из петлиц, движением головы показал Жене на дверь. Она выскочила в одно мгновение, но за дверью осталась собирать инвентарь, одновременно прислушиваясь к тому, что происходит в кубрике. Слов капитана было не разобрать, да и их было немного, и потом раздался какой-то шум. Похоже на драку. В испуге Евгения распахнула дверь и успела заметить, как Геша раскрыв, словно для объятий, руки ухнул через табурет на кровать. Было странно видеть, как от не очень крупного мужчины отлетает такой Аполлон.

Василий швырнул на живот Геше его ремень. – Протрезвеешь, извинишься перед Юлей. Нужно уметь отличать уважительное отношение от сексуальных предложений. Таких от нее не поступало. И винить ее не в чем.... Но это завтра. А сегодня спать. Сделаешь до утра хоть шаг из кубрика, посажу под арест.

Капитан повернулся, чтобы выйти и наткнулся на Женю.

– Ты что здесь?

– Я боялась за тебя, – шепнула Женя и ткнулась носом ему в плечо.

Василий хмыкнул и подтолкнул ее в коридор.

– Приложи что-нибудь холодное, фингала на твоей физиономии только и не хватало, – услышала она его голос за спиной.

– Но, я же упал, во время шторма..., – уже совсем другим голосом отозвался культурист.

– Так оно и было, – согласился командир. – Только заштормило тебя что-то не по делу.

В капитанской каюте Женя осмотрела его. Вроде бы цел.

– Удивляюсь, как ты с ним справился! Такие мышцы.

– Наказать бы следовало и тебя, – проворчал капитан, отходя в сторону.

– Меня-то за что? Кто-то своими похождениями заварил здесь кашу, не будем показывать пальцем, а виновных ищет на стороне.

– Я предупреждал, на корабле, где молодые здоровые парни оторваны от своих девочек, крутить этим самым местом дело рискованное.

Женя возмутилась.

– Ну, во-первых, я ничем не крутила, просто надела трико, ... а вот о твоих шуры-мурах с этой Юличкой я тоже слышала, еще до этого случая.

Женя села на кровати, в вызывающей позе, обхватив руками колени.

Капитан ничего не ответил.

– Будут теперь неприятности? – спросила Женя уже другим тоном.

Василий, вернувшись из какого-то таинственного плавания, в которое впадал время от времени, тряхнул головой.

– Да не в этом дело. Сама по себе история..., – он поднялся и, сунув руки в карманы брюк, уставился в иллюминатор. Насмотревшись там на что-то, добавил:

– За все годы никогда никого пальцем не трогал.

– Но ты защищал женщину! – возразила Женя.

Василий быстро взглянул на нее и хмыкнул:

– Непутевую. У тебя что, было трудное детство?

Жене его вопрос не понравился.

– Трудная молодость, – отрезала она – Когда встречу человека, которому поверю, я расскажу ему все что помню о себе, а так... исповедоваться по случаю, нет желания. Вы же, не священник. Пусть каждый думает, что хочет. А потом...мы себя не заказываем. Кому что дано.

– Я что же, недостойн такого доверия?

Женя растерянно отвела глаза и не нашлась что ответить.

– Я конечно не прав. Извини..., – неожиданно сдал позиции Василий.

– Ты что, психолог?

– Должен же я разбираться в людях. Воспитатель ведь.

– Ну, как профессионал-воспитатель ты думаешь, меня перевоспитать, возможно?

– С тобой надо заниматься индивидуально.

– Тяжелый случай?

– Интересный.

– Так займись, – сорвалось с языка Женьки.

Василий покачал головой.

– Только когда буду уверен, что тебе это надо.

«Надо!» – едва не закричала она, но, на этот раз сдержалась.

Капитан поднялся.

– Ты была раньше в Швеции?– остановившись у двери, неожиданно спросил он.

– Нет, – мотнула головой Женя и замерла.

– Если хочешь, могу показать Стокгольм.

– Конечно хочу! – встрепенулась Евгения.

Василий почти по-человечески улыбнулся и вышел.

«Ну, прямо мелодрама!» – подумала Женя растерянно. Когда шаги капитана стихли, вновь затеплилось, заволновалось то самое желание, которое почему-то исчезало, как только он на нее наезжал.

– Ну что за дурь! Что я привязалась к нему? Ведь старый же..., – проворчала с изумлением Женя.

Ночью она снова спала беспокойно, невольно прислушиваясь к малейшему шуму в коридоре. Конечно же, никто ее, за все томительные минуты, ни разу не потревожил.

Василий явился в каюту только утром. Вовсе не с романтическими намерениями. Оказалось, что департамент Стокгольма запросил разрешения открыть парусник для посещения жителями города, и ему всю ночь пришлось решать эту проблему – запрашивать командование, согласовывать день и часы посещения, прочие условия... Так что днем он не сможет покинуть корабль, разве что к вечеру, часам к шестнадцати. Он решил всех отправить шлюпками на берег. Лучше и ей присоединится к ним. Посмотрит город. Тем более что с группой он отправляет Андрея. Он здесь уже был и хорошо ориентируется... Ей нет смысла здесь околачиваться. Иначе придется, для конспирации, посадить ее под замком считай до вечера.

Женя, не задумываясь, заявила, что останется на корабле, хоть даже и под замком. И ни с каким Андреем не поедет. И что он ей его навязывает?! А на палубе может смешаться и с посетителями. Вряд ли будет белой вороной. Время, когда россиянина можно было узнать за версту по одной одежде давно прошло, да и то все это были придумки. Когда к ним в школу приезжали сверстники из Франции они нисколько не отличались от них, точно так же терялись на наших улицах, как и сопровождавшие их взрослые. Так что конспирацию она не нарушит и даже сможет время от времени видаться с ним. Если, конечно, он хочет...

Капитан с сомнением посмотрел на нее, но потом махнул рукой. Все одно, чует его душа, отвечать! Только сейчас ему надо уходить, чтобы успеть отработать все детали предстоящего мероприятия, подготовить экипаж. Через час, может быть чуть больше, они уже будут на рейде, а потом подойдет и к причалу в назначенное время.

Он поднялся со стула, который стоял совсем рядом с ее кроватью. Жене очень хотелось задержать его, хоть на пять минут, но ни на его лице, ни в голосе не уловила даже намек на какую-то страсть, ... Деревянный что ли? Только когда она на грани, что-то человеческое проскальзывает в нем. Не может же она каждый день вить веревки...

Когда корабль остановился, плюхнулись и загремели цепями якоря, Женька, посидела смирно минут десять, но, не выдержав, вышла из каюты, пробралась по коридору и на выходе на палубу столкнулась с Василием. Она даже подумала, что он идет к ней и едва не бросилась обратно, как он деловым тоном остановил ее:

– Можешь посмотреть, только особенно не высовывайся, за нами следят видеокамеры... Недолго, и в каюту. Под замок. Пока не пойдет народ.

– Конечно. У тебя же есть ключ, и ты можешь всегда открыть... – размечталась Женька.

Ей показалось, что он задержал взгляд на ее лице, шагнула к нему, но где-то рядом что-то стукнуло и капитан, как-то странно улыбнувшись, исчез.

Что за улыбка? Насмешка? Наверное, он над ней издевается. В таком случае больше ни одного движения в его сторону. Пусть тогда и у него самого появятся вопросы.

На море был штиль. День занимался безоблачный. Вода лишь у самого борта шхуны вяло плескалась и изредка, полосами, рябила от неожиданных порывов слабого ветра. Стаи чаек, совершенно таких же бесцеремонных и нахальных как у берегов Питера принялись досматривать корабль с пристрастием. Панорама города была ясно видна даже сквозь рассеивающуюся дымку утреннего тумана. Порт был забит судами различных размеров, конфигураций, расцветок. Были и парусники, но существенно меньших размеров и не такие серьезные как их лайнер.

Налюбовавшись панорамой, Женька вернулась в каюту, заперла дверь на ключ, снова завалялась на кровать, чтобы скоротать время и закрыла глаза – Василию все равно не до нее. Интересно, какую программу в Стокгольме задумал Василий? Вряд ли стоит ожидать чего-то волнующего. Здесь, при самых идеальных условиях ничего не происходит, а уж что в городе? Музеи, архитектурные ансамбли... Не снимет же он номер в отеле!

Вздыхнув, Женька отвернулась к перегородке. С такой ненормальной жизнью что ночь, что день...

Уснуть ей не дали шум – стук, какие-то невнятные команды. Женька выглянула в иллюминатор. Так и есть. Прямо перед ней голубой борт какого-то огромного теплохода. По шуму голосов и шагов Женька поняла, что наверху что-то происходит. Это продолжалось довольно долго, затем раздались шаги в коридоре, и по шелканью ключа в замке она решила, что ее освобождение наступило. Но, ошиблась. Кроме капитана в каюту заглянул какой-то чиновник в форме, который, не обратив никакого внимания на Женьку, окинул взглядом помещение, словно замерял его размеры и тотчас вышел.

Василий вышел вслед за проверяющим, но скоро вернулся и сообщил затворнице, что шхуна будет открыта для посещений через час. Но времени у него все равно нет (странным, если бы оно вдруг у него нашлось). Достают таможенники, хотя по договоренности должны были пропустить судно без досмотра. Но лучше ситуацию не обострять. Никакой военной тайны шхуна не представляет.

Женьку удивило необычное настроение капитана, его неожиданная общительность, и, особенно, эти оправдания, как будто он готов хоть сейчас, но вот обстоятельства... Хочет довести ее до инфаркта?

Ее растерянность продолжалась недолго, в дверь постучали, и голос вестового сообщил, что явилась делегация от департамента.

– Когда пойдет экскурсия, можешь выйти. Только незаметно, – услышала она слова Василия. Как будто из другой оперы!

Когда гомон и шум на палубе известили, что народ пошел, Женька выскользнула из каюты и поднялась наверх. Любопытных оказалось больше, чем можно было ожидать. Разношерст-

ная, разновозрастная, разноцветная толпа заполнила всю палубу. Многие с фотоаппаратами и видеокамерами. Они разглядывали все, что попадало в поле зрения, даже ведра, из которых Женька мыла полы.

Налюбовавшись публикой, Женька отправилась в ресторан. Она еще до сих пор не завтракала. На этот раз посетителей обслуживали курсанты. Она заметила за стойкой «поросеночка» и улыбнулась ему.

– Принеси мне что-нибудь поесть и кофе.

Он кивнул головой и крикнул в кухонный зал, чтобы обслужили гостью из Скандинавии (остряк, однако!). Следом за Женей зашли несколько шведов. Один из

них, высокий светловолосый парень принялся, с пятое на десятое, что-то заказывать.

Женька уселась за столик и, пока завтракала, с любопытством наблюдала за местным страдалцем. Собираясь на русский корабль на экскурсию, он не удосужился заглянуть в разговорник. Курсанты, сами толком не владея языками (кто-то знал несколько слов по-английски, кто-то по-французски) – собрались гурьбой и чесали затылки. Кое-как, они, все-таки, с задачей справились. Оказалось, гость хотел отведать шедевров русской кухни. Вспотев от напряжения, но довольный результатом швед направился к соседнему от Женьки свободному столику.

Усевшись, он что-то сказал ей, сокрушенно качнув головой, но, поскольку и Женька не удосужилась заглянуть в шведский разговорник, с улыбкой, согласно кивнула головой. Явно опрометчиво. Швед, поковыряв в тарелке и осмотревшись, задал ей уже более сложный вопрос, видимо в уверенности, что имеет дело с соплеменницей.

Женька растерялась, но, проанализировав его восторг и заинтересованный взгляд которым он окинул стены ресторана, предположила, что здесь уместно будет что-то вроде одобрения, и рискнула произнести по-немецки «Да», вспомнив, что почти все прибалты так выражают согласие. Это был перебор. Положение ее моментально усложнилось.

Услышав ее голос и уверенный ответ, швед затарахтел как неуправляемая молотилка, эмоционально жестикулируя.

Женька, никак не ожидавшая такой раскрепощенности, (она почему-то считала шведов людьми сдержанными) попыталась уже на французском, который ей прививали в школе, объяснить, что она не совсем понимает, о чем идет речь. Швед на секунду замешкался и к ужасу Женьки заговорил по-французски. Ей понадобилось минут пять, чтобы втолковать неожиданному собеседнику, что и французским-то она владеет не блестяще.

Не дав шведу опомниться, она извинилась и, не допив кофе, выскочила на палубу.

Экскурсия на шхуне напоминала народное гуляние. Видимо по распоряжению капитана радист включил по всему кораблю русскую музыку, похоже, тридцатых годов. В нескольких местах курсанты в белых передниках и колпаках раздавали из алюминиевых баков дымящиеся блины с вареньем, которые раскладывали на бумажные тарелочки, а в тщедушные пластиковые стаканчики разливали круто заваренный ароматный чай с мятой. На корме, в кольце зрителей, новоиспеченные офицеры лихо отплясывали традиционное «Яблочко», которое репетировали, чуть ли не всю дорогу. Публика получала то, что хотела. Вероятно русский матрос, потягивающий Кока-колу, сильно разочаровал бы зрителя...

Недалеко от импровизированной эстрады она заметила Василия. Во время. Откуда-то слева вновь выплывала благодушная улыбка шведа, слишком уж быстро продегустировавшего русские пельмени с русской водочкой. Лавируя между группами посетителей, Женька отловила капитана и тихим голосом пожаловалась ему, что ее преследует какой-то молодой абориген, а она, естественно, не может выдать себя.

– Отчего же? Здесь русских нынче, тьма. Есть даже общины. Если хочешь, помогу вам в общении. Может это твоя судьба. Глядишь здесь и останешься...

Женька остолбенела, и у нее даже дрогнули губы.

– А как же перевоспитание? Я уже так достала тебя?!

– Да нет, наоборот, ревную...Ладно, иди в каюту, скоро все закончится, и мы с тобой сойдем на берег.

Женя заглянула ему в лицо. Как же, с такой равнодушной физиономией он ревнует! Зато обещание, «мы с тобой сойдем» показалось ей музыкой.

Стокгольм Жене понравился, но в некоторых переулках у нее возникало ощущение, что она уже здесь была. Василий пояснил, что ничего удивительного в этом нет, в архитектуре и облике Таллинна и Стокгольма немало созвучного. Готика.

Они прокатили до центра города на такси, затем вышли на какой-то площади и капитан, оставив Женю на тротуаре, сбегал в банк, обменял российские деньги и заодно кому-то позвонил. Она не стала спрашивать кому и зачем. Какой смысл? Если это ее касается, скажет и сам...Если нет...Но напомнить о том, что проголодалась, она сочла целесообразным. Василий поинтересовался, где она хотела бы поужинать. Женя призналась, что мечтала побывать в каком-нибудь местном экзотичном ресторанчике, который остался бы в памяти, как сувенир.

– Это завтра, а сегодня поужинаем в другом месте,– объявил он.

Капитан снова остановил такси и назвал какой-то адрес. Женя попыталась разгадать, что за сюрприз он ей приготовил, и никак не ожидала, что машина прикатит к кладбищу. Она с недоумением посмотрела на Василия. Он, поймав ее взгляд, предложил два варианта – она может подождать у входа или пойти с ним. Женя не хотела оставаться одна, к тому же ее стало одолевать любопытство...

Василий, здесь же, у входа купил небольшой букетик, и они отправились по четким ухоженным дорожкам кладбища. Маршрут действительно оказался коротким. Василий остановился у светло-серой плиты с фотографией симпатичной белокурой женщины, совсем молодой, с голубыми глазами и очаровательной улыбкой.

– Это моя невеста, – помолчав с минуту, произнес Василий.

Женя ошеломленно посмотрела на него, потом на памятник. Попыталась прочесть имя, но сочетание получилось не запоминающимся. Определила лишь, что прожила та всего двадцать лет.

– Я ничего не понимаю.

Василий положил цветы и коротко бросил:

– Потом расскажу.

В машине она узнала, что едут они на ужин к отцу этой самой девочки его бывшему коллеге, тоже офицеру, только шведского флота, Он в отставке. Познакомились когда-то во время визита российских кораблей. Потом он приезжал в Питер со своей дочерью. Ей интересно было искусство, архитектура. Он потаскал их по музеям... Года через два приехала сама. Хотела поступить в Академию художеств, но художество случилось у нее с ним. Как-то очень просто и естественно. Они решили, что будут вместе, ломали голову как им поступить, где жить, он даже готов был уйти со службы, если возникнут какие-то препятствия, но случай разрешил все проблемы. Вернувшись в Стокгольм, чтобы получить благословение отца, она попала в аварию на своем «Дофине».

Василий рассказывал обо всем спокойным, ровным голосом, словно пересказывал информацию о происшествиях. Женя, может быть не к месту и не ко времени почему-то подумала, что вот так же он рассказывал бы другой женщине о ней, случись с ней подобная беда. Потом спохватилась. Речь шла о невесте – девушке, с которой Василий собирался связать свою судьбу, а что она...

Особнячок на окраине города в зелени деревьев и кустарников вначале показался Жене каким-то неуклюжим и угловатым. Трудно было представить, что внутри он может быть очень просторным и уютным одновременно.

Хозяин, по имени Иохим, хоть и был пожилым со слегка располневшей фигурой, копной абсолютно седых волос, но еще довольно крепким человеком со смешливо прищуренными гла-

зами. Женю он встретил неожиданно тепло, поцеловал руку и даже на некоторое время задержал ее в своей. Он сам предложил ей осмотреть его особняк, что Женя восприняла как свидетельство расположения. Говорил он по-русски с трудом и часто переходил на родной язык, но домыслить сказанное не составляло труда. Всей компанией они прошли по спальням, гостиным комнатам, кабинетам на двух этажах, соединенных широкой лестницей с ковровой дорожкой. Все помещения просторные с мягким освещением. Самое большое впечатление на гостью произвела маленькая оранжерея и гостиная верхнего этажа, скорее выставочный зал, с моделями морских кораблей. Как оказалось, многие из них собраны самим хозяином, некоторые приобретены у мастеров этого тонкого дела. Вершиной сенсации стала довольно крупная копия их шхуны. Женя была удивлена сходством мельчайших деталей. Она даже невольно искала взглядом ведра, которые поставила рядом с ящиком для песка. Иохим был явно доволен произведенным эффектом. Как она поняла Иохим жил отшельником, если не считать служанки, худощавой неразговорчивой женщины с мужскими чертами лица (она время от времени появлялась на горизонте).

Пока они осматривали дом, служанка успела накрыть на стол. Ей казалось раньше, что шведы неприветливы в еде но уже комплектация хозяина начала вызывать сомнение в этой гипотезе а количество блюд и вин на столе окончательно убедили Женю что она не права. Она совсем не возражала против такого сюрприза – несколько часов назад съеденный бутерброд и недопитая чашка кофе были уже в далеких воспоминаниях. Иохим попытался перевести на русский язык названия блюд, но с задачей не справился и махнул рукой. Собственно, какая разница, было бы вкусно!

К удивлению Жени, Василий свободно разговаривал с хозяином, сначала изредка что-то поясняя ей, потом про нее забыл. Да Женю не особенно и интересовали их мемуары. По крайней мере, меньше, чем тунец в собственном соку, с дольками лимона, заливной балык акулы, мелкий картофель жаренный клубнями, на одном подносе с жирной сельдью, фаршированный фазан... Вино ей больше понравилось легкое, светлое, хотя хозяин настаивал на темно– красном, почти черном, но ей показался привкус дерева и она, незаметно для Иохима, примазалась к светлому. Сам Иохим к еде почти не притрагивался – выпил бокал вина, да съел банан. Василий тоже ел, не в пример Жене, умеренно. Она почувствовала себя неловко, а, когда перехватила улыбку Василия, оправдалась, что очень голодна. Наверное, не совсем прилично так много есть в гостях.

Тот, даже не поняв вначале, о чем идет речь, засмеялся и махнул рукой. Иохим заинтересовался, что она сказала, а когда капитан перевел, укоризненно покачал головой. В переводе это означало – как можно так подумать! У них каждый ест когда хочет и сколько хочет...

После ужина Иохим прошел в другую комнату и принес оттуда альбом с фотографиями. Все как в России. Еще не прислушиваясь к их речи, чтобы выделить чье-то имя, Женя поняла о ком сейчас пойдет речь. Действительно, это был альбом фотографий дочери Иохима – детских, в юном возрасте, уже молоденькой женщины... На последней странице она увидела фотоснимок – сидящего в кресле еще молодого Василия, (он показался ей каким-то неуклюжим), и белокурую красавицу, обхватившую его сзади. Это же счастливое, сияющее радостью лицо она видела на памятнике. Отпустила она его, или все так и держит?...

Перед их уходом Иохим снова пригласил Женю в свою маленькую стеклянную оранжерею и срезал для нее букет бархатистых белых роз. Напрягшись, он пояснил на русском языке, что это на память, чтобы они радовали ее всю дорогу. Когда он снова поцеловал ей руку уже у калитки, а Женя ткнулась губами ему в щеку, на глазах отставного мореплавателя выступили слезы, но он тотчас же нахмурился, видимо рассердившись на самого себя. Потом мужчины обнялись, и Иохим проводил их к своей машине, за рулем которого уже сидел шофер.

В машине Женя долго молчала. Василий пару раз заглянул ей в лицо, потом обнял за плечи и притянул к себе.

– Обиделась?

– На что?!

– На кого. Мы мало общались с тобой...

– У меня нет на это права.

– Разве обижаются по предоставленному праву? Ну, если ты так считаешь, я его тебе предоставляю.

Женя промолчала. Не перечислять же все обиды.

– Ну, я понял. Ты хотела бы знать больше?

Конечно, она хотела бы, но сдержала себя:

– Нет.

Кто она ему? Она вообще до сих пор в недоумении, почему он взял ее с собой? Василий ничего не ответил на ее «нет» и неожиданно прижал к себе. У Жени потемнело в глазах и остановилось дыхание... Путь к причалу оказался до обидного коротким, да и водитель в машине был совсем не к месту. Вроде бы век технического прогресса, а не могут придумать машин без шоферов!

Когда они поднимались по трапу, в ней все зашлось от ожидания. Женя была уже уверена, что продолжение последует, но капитан подтолкнул ее к двери каюты, пожелал спокойной ночи и удалился. Воспитатель, хренов! Он, видите ли, должен переодеться и подняться на мостик. Мог бы уж тогда, заодно, и послать ее, куда-нибудь подальше. Правда, уже из глубины коридора он пообещал, что завтра они продолжают. Женя едва не закричала, почему завтра, но, к счастью, ума прикусить язык на этот раз хватило.

Шхуна стояла в спокойной воде, словно памятник, и вроде бы не провоцировала Женю на подвиги, но засыпала она с трудом. Озверин, вызванный обломом ее надежд, постепенно рассосался. «Сексуальная зависимость», пришло Жене в голову определение собственного состояния, когда она попыталась понять, с чего вдруг так, до ненормальности запала на капитана. Вначале она списывала свои умопомрачения на качку, но в последнее время на устойчивой палубе и даже на берегу стало происходить то же самое, почему? Никогда раньше взрослые мужики не заводили ее до такой степени. Абрамыч в ее жизни не в счет – был нагрузкой судьбы и в постели она воспринимала его как обязанность, но чтобы так, без всякой провокации у нее самой возникали сексуальные галлюцинации... Но почему именно он? Ведь не бредит же она кемнибудь, из команды... Даже Андрей..., она даже забыла о нем. Почему так?

Сжимая в объятиях подушку, Женя попыталась разложить на составляющие уже другую сторону баррикады – чем могла произвести впечатление на капитана и какое?. Кем же все-таки он ее считает? Если шлюшкой, то почему сразу же не использовал по назначению и не вышвырнул на берег, зачем поволок ее к Иохиму, своему старому дружбану.... Да и по тому, как швед ее принял можно предположить, что представил он ее не как находку с панели. И на кладбище... Значит она... И тут Женя от удивления села. Уж не подвинулась ли рассудком?! О каких серьезных отношениях вдруг зашуршали ее извилины? Ну да, конечно, ей, как и любой женщине, не безразлично, что думает о ней мужчина, с которым она готова лечь в постель. Это нормально. Если мужчина только до утра, то и вопросы простираются в тех же временных пределах. То есть в их случае интересы друг к другу должны ограничиваться причалом в Санкт-Петербурге. И не более. А она о чем?!. Ощущение такое будто попала в Бермудский треугольник, в котором отказывают всем приборы, а бездна затягивает, словно преисподняя. Со стоном, забравшись головой под подушку, она не сразу, но, все-таки заснула.

Экскурсия по Стокгольму, на которую они отправились на другой день (снова под вечер) была не долгой. По пути он вспомнил, что обещал ей визит в какой-нибудь экзотический ресторанчик и предложил на выбор – современный с блеском и роскошью или в стиле «Ретро». Она предпочла второй вариант.

– Ну да. Для гармонии. Я же и сам как экспонат, – хмыкнул капитан.

- Напрашиваешься на комплимент?
- Груз прошлого ...
- А если немного разгрузиться?
- Разве это реально?
- Ну, со мной же тебе это изредка удается...

Василий внимательно и даже с удивлением посмотрел ей в лицо и неожиданно признался:

- А ты что, это понимаешь?
- Когда ты со мной, ты совсем молодой.

Василий засмеялся, но от дальнейшего участия в обсуждении скользкой темы уклонился.

– Ладно, ретро так ретро... Пиратский кабачок в порту подойдет? И стриптиз там самый, что ни на есть... Если повезет можно ввязаться и в драку.

Женя согласилась, кроме последней радости. Стриптиз это как раз то, что надо. Если быть очень внимательной, то по реакции мужчины на девочек можно определить и собственные шансы...

Кабачок оказался недалеко, и Женя не сразу распознала его, приняв за какой-то невзрачный сарай. Немного в стороне от строения, на мачте, развивался черный флаг с черепом и костями и вероятно служил рекламой (текст у основания флага был ей недоступен).

Дубовые столы, между бочонками, свисающими канатами, штурвалами, тусклый свет лампад, официанты в костюмах разбойников, но без повязок на глаза (все-таки дело имеют с деньгами, завяжи тут хоть один!) и в глубине зала сцена, стилизованная под корму каравеллы. Девочки выплясывающие «на палубе» и незаметно теряющие детали одежды и вызывающие у публики желание немедленно взять их на бордаж. Деревянные пивные кружки с уже налитым вином и жестяные тарелки с кусками разных пород рыб появились перед ними, как только они присели за стол.

К разочарованию Жени капитан не смотрел в сторону сцены, а больше осматривал зал. Эксперименту угрожал провал. Она тоже оглядела помещение, отметила, что в интерьере кабачка преобладают красные и черные тона в сочетании с деревом. Стиль выдержан в соответствии с задумкой. Даже девицы «на палубе» манипулировали красными мини юбочками, и черными трусиками. Последние, как и следовало, были условными.

Публики немного, но столики, откуда сцена хорошо просматривалась, почти все заняты. Освещение в зале неравномерное и рассмотреть посетителей было сложно, особенно в правом углу, где столики расставлены вплотную к «корме», однако выражения некоторых лиц тех, кого можно было рассмотреть, убеждали, что собрались любители стриптиза. Отхлебнув терпкого красного вина, Женя все же вынудила Василия обратить внимание на предлагаемые откровения. Он беглым взглядом оценил танцовщиц и заявил, что половина наши соотечественницы. Особого интереса в его глазах Женя не заметила. Но она уже начинала понимать этого хитреца и догадывалась, что он намеренно избегает эротических картинок. Может быть среди тех, кто сейчас обнажает свои ляжки на сцене, есть и та, которая некогда ублажала в постели и капитана? Этого самого. ... А почему та? Может быть «те»? Женя представила Василия в окружении обнаженных девочек и эта картинка не вызвала у нее отрицательной реакции. Скорее наоборот...

Она перевела заблестевшие глаза на своего партнера, и хотела было спросить, не приходилось ли ему участвовать в таких представлениях, но он остановил ее вопросом.

- Может быть, закажешь еще что-нибудь? Крабы, креветки, шашлык?
- Здесь что, есть шашлыки? Как-то не в тему.
- А почему не в тему? Вспомни, разбойники жарили мясо, и пили вино...

Женя вернулась взглядом на сцену. После группового стриптиза девочки перешли к сольным выступлениям. Одна из них, в набедренной повязке показалась ей знакомой. По крайней мере, фигурой. А видела она ее не раз, и, кажется в собственном зеркале.

– Как тебе эта? – спросила она капитана впадающего в какие-то, не к месту, и явно не ко времени размышления.

Василий взглянул на сцену мельком, но потом все же вернулся туда более внимательным взглядом. Согласно кивнул головой. Скосил глаза на Женю.

– Они здесь все похожи, как в инкубаторе...

– Как это?! – обиделась Женя. – Что же, по-твоему, и я из инкубатора? И, потом, это неправда. Вот эта девочка ... у нее и грудь повыше и бедра повывразительнее.

– Тоже ничего, – дежурно посмотрев на подиум, согласился Василий.

Придуривается! Не может мужчина быть таким неразборчивым, – подумалось Жене.

– У каждой свои достоинства и недостатки, – сдался, наконец, капитан.

– А ты сам, какую хотел бы? – осмелела Женька.

– Как тебе вино? Может быть что-нибудь покрепче? – увильнул тот от темы.

– Нет. Не люблю крепких напитков, – заявила Женя и удивилась своему открытию.

– Да?! – насмешливо хмыкнул тот. – А я закажу ром.

– Ну, закажи, только немного.

– Почему?

– Не люблю когда мужчина мордой в тарелке.

– Это единственное противопоказание?

Женя, улыбнулась.

– Не единственное.

– Все под контролем, – прищурился Василий и махнул рукой пробирающемуся мимо официанту.

Тот в считанные минуты принес крабов и бутылку.

– Не много ли? – усомнилась Евгения.

– На тебя тоже.

Она посмотрела на него с подозрением.

– В целях перевоспитания хочешь меня спить? – спросила Женя, отводя глаза. – Я уж и так...

– Хочу, – после небольшой паузы каким-то странным тоном признался Василий.

Она быстро вернулась взглядом к нему и обнаружила метаморфозу – глаза его уже блеснули, губы приоткрылись, но смотрел он куда-то вверх.

Женя подняла голову и обомлела. У столика стояла, обнаженная, (если не считать ниточку, символизирующую трусики), девица. Все детали фигуры, конечно, в превосходнейшей степени., безукоризненная шелковистая кожа. Она держалась за спинку стула, на котором сидела Женя, томно покачивалась в такт музыке и призывно-обольщающе смотрела на Василия. Тот улыбнулся, и она тотчас же порхнула к нему.

Движением руки (похоже, привычным) он сунул за набедренную полоску купюру. Девица улыбнулась, что-то шепнула ему на ухо, и скрылась за спиной Евгении. Женя, оглянувшись, еще раз оценила фигуру удаляющейся красавицы и потом поймала взгляд Василия. Он, готов был броситься за ней! Ну, уж нет! Сегодня ее день. Это она вся раскроется перед ним, истечет неудержимой потребностью поглотить его, засосать добычу подобно устрице, створки которой уже раскрыты, трепещут и ждут долгожданного вторжения! Ему не будет ее мало, она готова растечься, стать медузообразной, тягуче импульсивной или затвердеть в самый страстный момент... Как он захочет...

Женя схватила стакан с ромом, который он налил себе, и отпила глоток.

– Ты хочешь ее? – расставшись с головой, спросила она.

– Конечно, – признался подлый мужик.

– А меня?! –

– И тебя тоже, – согласился капитан.

Женя, уже не раз обманутая им, с недоверием пробормотала.

– Где и когда?!

– Ну, конечно же, здесь и сейчас.

Женя от восторга перестала соображать окончательно.

– Прямо здесь, на столе?!

– На столе уже не получится! – развел руками капитан.

Женя опустила глаза. По скатерти из опрокинутого ею фужера расплывалось алая лужа вина.

Конечно же, подлый мужик снова выставил ее полной душой.

Женя вскочила. Хватит с нее унижений! Она уйдет и даже не на его долбанный корабль, а уйдет напрямик в Питер. Пешком!

– Да ладно, успокойся! Сейчас все уберут. Мелочи, – он поймал ее за руку, и решимость ее вдруг куда-то исчезла. Да и в Питер пешком не реально ...

Когда поменяли скатерть, Василий попытался налить ей вина, но Женя, закрыла фужер. С нее уже хватит.

С минуту сидели молча. Василий отпил глоток рома и тоже отставил свой стакан.

– Интересно, девочки так отчаянно прогуливаются между мужчинами,...неужели не боятся? – спросила Женя, скорее от затянувшейся паузы, чем из любопытства.

– Ну, бывает, конечно, но здесь это запрещено. Можно угодить в каталажку...

У самой сцены, где столики особенно плохо просматривались, раздались какие-то громкие голоса, замелькали тени.

– Вот, как будто накаркал...

В свете одного из светильников обозначилась фигура и лицо человека вызвавшего скандал.

– Бог мой! – удивился Василий. – Неужто Иохим?

Действительно мужчина, которого держали за руки пираты, был абсолютной копией вчерашнего гостеприимного хозяина.

Василий бросился в ту сторону, где затеялся скандал, отвел в сторону одного из официантов, затем исчез за кулисами, куда указал гарсон. Дебошира усадили за его же столик, но уже под присмотром охраны.

Жене показалось, что Василий слишком долго находился в вертепе, каким ей представлялось закулисье. Вспомнив, что он здесь был и раньше, она оцепенела от внезапного прозрения – эта девица, она ведь что-то шепнула ему на ухо... Евгения решительно поднялась, но Василий уже появился. Рядом с ним «танцовщица», в нормальных трусиках и распашной мини-юбочке. Она подошла к охранникам, что-то сказала и небрежно отмахнула кистью руки что, по всей видимости, означало жест великодушного прощения.

Василий подхватил Иохима и приволок к их столику. Только тогда Женя убедилась, что тот определенно в состоянии сильного опьянения. Он осел на стул и опустил голову. Евгения не могла поверить в то, что видит того же, вчерашнего, владеющего собой и не испытывающего никакого пристрастия к спиртному мастера-модельщика, морского волка...

– Я вызвал такси, – пробормотал Василий.

– Что же там случилось?

– Да ничего особенного. Он сделал то же самое, что и я, только без купюры... Оттянул трусики и заглянул в них. Кукла решила, что ее оскорбили. Из Штатов вешалка. Никак было не уговорить. Хорошо в шайке оказалась наша, хохлушка. Она там вроде бригадира. Уломали, кое-как, за определенную сумму...

– На то и был расчет! – блеснула сообразительностью Евгения.

– Наверное, – согласился Василий.

Расплатившись за ужин, они вывели адмирала на улицу. Он уже немного ориентировался в пространстве, но не настолько, чтобы узнать обоих. Правда, садясь с их помощью в автомобиль, он умиленно улыбнулся, и что-то пробормотал, но вряд ли это было адресное.

Когда автомобиль откатил, Женька вопросительно посмотрела на Василия.

– Не понимает, что с ним происходит, – пояснил тот.

– На него не похоже?

– Не похоже. Что-то подействовало на беднягу. Не ты ли? – Василий обнял ее за плечи.

– А что? Я развращаю?!

– Конечно. Я и сам, похоже, становлюсь маньяком.

Женька прильнула к нему, и они отправились в обратный путь неведомыми путями, через какие-то закоулки, скверы, освещенные дворы... Всю дорогу Женька вновь переживала вечер в ресторане, но все больше на нее накатывало ожидание результативной части. Как не было в кабаке обалденно, но это была прелюдия, основного, самого желанного и чем ближе была заветная каюта, тем слабее становились ее колени... Неужели снова обманет?!

По кораблю они прошли откровенно вместе (из свидетелей был один вахтенный, но и тот Женю в упор не видел). Пока Василий шел за ней следом, она до самого порога каюты прислушивалась к его шагам. Не оглядываясь, открыла дверь и остановилась. Звук удаляющихся шагов не было. Она почувствовала его за своей спиной и невольно подалась назад. Он подтолкнул ее вглубь комнаты, Женька обернулась, скользнула руками по его плечам, зажмурилась и кинулась в омут...

Омут оказался таким глубоким, что она едва не потеряла сознание. Она вдруг узнала, что одно прикосновение мужчины может вызывать судорожную дрожь, а ее собственное тело, может рваться навстречу его губам, рукам абсолютно произвольно...

Время от времени, приходя в себя, Женька изумлялась невероятной силе ощущений, каких никогда за свою жизнь не испытывала и не могла поверить, что это происходит с ней. Вместо приятного ручейка, на который рассчитывала, она попала в мощный водоворот, который превратил ее в беспомощную щепку, то погружая в самую бездну, то выбрасывая на поверхность... и, когда прибил, наконец, к берегу, Женька перестала ориентироваться во времени и пространстве...

Она еще долго лежала ошеломленная, не в силах поверить в то, что было. Девчонка, возмнившая себя знатоком в тонкостях любовных ощущений, оказывается, до этого вечера толкалась в прихожей, принимая коридор за роскошные апартаменты. «А ведь так можно было всю жизнь протолкаться в коридоре!» подумала она с ужасом..

Совсем неожиданно Женька услышала собственный голос и не сразу поверила своим ушам. Она признавалась ему в любви. За все годы сознательной жизни ни один мужчина не слышал от нее подобных слов, и она даже не предполагала, что будет в состоянии когда-нибудь произнести их.

Глаза его перестали прятаться и смотрели испытывающее и даже, как будто без насмешки. Василий ткнулся носом в ее шею и пробормотал что-то невнятное. Интонация и неопределенность его реакции не понравилась Жени. Что, «я тоже»? Хочу пописать? Или что-то иное?

– Ты не понял, я очень, очень..., – застонала она.

Василий замер, затем чмокнул ее в щеку и поднялся.

– Мне надо проверить команду, – объявил он. – Андрей ушел на вахту, ему надо помочь...

Женька похолодела. Правда не понял, или не верит?!

Когда он, стараясь не встречаться с ней взглядом, оделся, Женька не выдержала:

– Ты что, мне не веришь?

Василий повернулся, просунул руку ей под голову и поцеловал в лоб.

– Ты славная девочка, Женя.

Когда он вышел из каюты, она стала кусать губы, чтобы не разреветься. Впервые сказать что-то идущее из самой глубины и, на тебе... Жопой в лужу.

Отчитать себя как следует она не успела. Василий вернулся, когда она еще чувствовала себя самой несчастной на земле, сел на стул у кровати, долго и внимательно смотрел на нее и неожиданно спросил:

– А почему ты никогда не называешь меня по имени?

Появившаяся было улыбка растворилась на ее лице.

– Тебя так называла Ксюха, а я здесь хоть и за нее, но не вместо.

Василий обнял ее одной рукой и улыбнулся.

– Какая ты у меня глупенькая!

У Жени перехватило дыхание. В сознании застряла только часть фразы, в которой и был весь смысл: «...ты у меня...!». Неужели?!

Перед тем как закрыть за собой дверь он распорядился выпасться, умыться, попить кофе, и подняться наверх. К отплытию.

Она так и сделала. Когда крики, стук, звяканье и звон колокола известили об отплытии, она вышла на палубу и первое, что увидела на углу пирса, на видном месте – седого подтянутого адмирала в форме. Она сразу узнала его. Это был Иохим. Женя подбежала к борту и отчаянно замахала рукой. Адмирал отдал честь и затем уже ответил таким же жестом, взмахом руки, но сделанным с достоинством – ничего от вчерашнего дебошира. Фантастика! Жени задрала голову в сторону мостика. Василий видел Иохима, тоже отдал ему честь и махнул рукой куда-то в стороны кормы, откуда, неожиданно для Жени, грохнула пушка (она и не знала, что такая здесь есть). Тотчас же откуда-то, со стороны форта, как эхо громыхнул целый залп. На светлом фоне рассветного неба поднялось несколько облачков беловатого дыма. Только тогда Женя увидела, что на пристани, несмотря на раннее время, собрался народ. Она с удивлением рассматривала радушную, машущую руками, платками публику.

Было достаточно свежо, но народ на причале был одет легко, по-летнему. Женя подумала, что это, скорее всего их соотечественники, которых занесла сюда, на чужбину, нелегкая или собственное желание, или возможность заработать на относительно приличное существование. Здесь, наверное, не только девочки из припортового стриптиза, но и те, что уже отделили свое на панели. Присмотревшись, Женя поняла, что не совсем права. Среди них тот самый светловолосый неуклюжий парень, который с ней так и не познакомился. Она вдруг почувствовала, что всех их любит, и что ей почему-то жаль с ними расставаться. «Наверное, это у них такой дурацкий ром» – подумалось Жене.

Когда кромка земли растворилась за горизонтом Женя не найдя взглядом Василия решила пойти поспать, чтобы вернуться в форму (собственное лицо ей в зеркале не понравилось). Уснула она мгновенно, спала без сновидений и открыла глаза с удовольствием, какого не испытывала за все время плавания. Повалившись еще минут десять, под впечатлением минувших событий она поднялась, и посмотрела на часы. Обед она проспала и решила пойти в ресторан – до ужина далеко. Там она застала и капитана. В зале кроме него никого не было. Она хотела, было сесть за другой столик, но он кивнул на свободный стул, напротив себя, и Женя направилась к нему. На ее сияющую улыбку ответил скромно, но по лицу было похоже, что жизнью на этот день доволен. Наверное хорошо выспался, а может быть по какой другой причине, в которую она боялась поверить.

– Привет, воспитатель, – шепнула Женя.

Василий не ответил и она уже в голос спросила:

– Видел Иохима?

Капитан пожал плечами. О чем спрашивает?!

– Вроде бы оклемался?

– Он мужик еще крепкий.

– И сколько же ему?

– Немного больше чем мне.

Женя от удивления открыла рот.

– Как это немного? Шутить?!

– Он сдал, когда умерла жена.

– Давно?

– Вскоре после дочери. Ты видела ее фотографию в альбоме. Они похожи.

Женя вспомнила, что одна из девушек на снимке выглядела немного старше другой.

– Она тоже погибла?

– Нет, умерла. Медики не смогли объяснить от чего.

– Ну, так это же было давно. Почему же не женился снова?

– Однолюб, – пожал плечами капитан. – С женщинами не общается, только с путанами, по рыночным ценам.

– А что, путаны не женщины?

– Физиологически да...

Женя не рискнула возражать, к тому же ее захватила другая мысль.

– Ты тоже с ним бывал? – с подозрением прищурилась она.

– Да, конечно.

Женя на минуту онемела, потом вскочила.

– Я сяду за другой столик.

– Почему? – не понял Василий.

– Ты делаешь мне больно.

Теперь замолчал Василий, потом, отставив стакан из-под компота, все же заметил:

– Ты странная девочка. Я же не ревную тебя к прошлому, да и не знаю его.

Женя отвела глаза.

– А я готова рассказать тебе все, до самой малости.

Василий молча, медленно покачал головой в знак отрицания и поднялся. Он уже дошел до выхода, когда Женя тоже вскочила. Догнала она его у самой каюты. Капитан остановился и вопросительно посмотрел на нее.

– Ты, принимаешь меня за потаскушку. Я не такая. Да, у меня не было в жизни ориентиров, но сейчас...

Василий усмехнулся.

– Я сказал, что не знаю твоего прошлого, но не говорил, что хочу его знать.

– Но ты же можешь предположить худшее! – вскрикнула Евгения.

– А худшего не было?

– Нет

– Этого достаточно.

Снова Женька долго не могла уснуть. Если бы все прежние страсти, какие выпадали ей в жизни собрать в промежуток нескольких часов, они проиграли бы тем ощущениям, которые она испытала в минувшие сутки. В происходившее верилось с трудом, потому казалось, что зародившаяся близость вот-вот оборвется. А может быть станет еще ярче. А потом еще. Но где-то, что-то должно сломаться. Как все в этой бестолковой непознаваемой жизни. Нет, пусть все останется на сегодняшнем уровне. И без того головокружительном... Неужто, правда, что когда-нибудь, этому придет конец? Почему так?! Почему не быть в вечном плавании, и никогда не причаливать! Эта неожиданная паника означала одно – теперь для нее нет, и не будет ничего дороже этого рябоватого лица, серых, прячущихся глаз, курчавых жестких волос с проседью...

Усилившуюся качку Женя почувствовала посреди ночи еще сквозь сон, а когда окончательно проснулась, каюта уже ходила ходуном. Та болтанка, которую она испытала, по пути в

Стокгольм, показалась просто шуткой. Сейчас можно было и не стараться удержаться на ногах. Пол то резко уходил вниз, словно в воздушной яме, то перекашивался так, что казалось кроватка сорвется с креплений и прилепит пассажирку к стенке каюты. Цветы Иохима разлетелись по полу, политому водой из вазы, которая, упав на пол, не разбилась и кувыркалась тут же. В дополнение ко всем радостям стал время от времени гаснуть свет, в такие минуты Женя видела в краешек иллюминатора отвесные пенистые стены черной воды с серебрившимися в свете луны гребнями. Такой ужас она видела только в кино, но там не было ощущения присутствия... Трясаясь, от страха, и холода Женя оторвалась от спинки кровати, улавливая секунды на которые корабль замирал, кое-как оделась, перелетела от кровати к двери, но не поймала во время ручку и загремела в обратную сторону, под стол, едва успев распластаться. Вторая попытка оказалась удачнее и Женя, проехав в намеченном направлении на четвереньках по мокрому полу, все же ухватилась за решетку в нижней части двери, затем, когда корабль завалился на левый борт вскочила и поймала, наконец, злополучную ручку.

Перелетая в коридоре от стены к стене (благо узкий) Женя пробралась к выходу на палубу и, высунувшись наружу, ужаснулась тому, что увидела. Они определенно тонули. Невозможно было себе представить, чтобы такие огромные волны, горами вздымающиеся над бортами и внезапно проваливающиеся в преисподнюю, отчего за кормой возникали какие-то жуткие черные пропасти, готовые поглотить шхуну, оставили бы хоть что-то от корабля. Низкие темные облака с белесыми кромками метались по небу как безумные, изредка открывая луну, которая короткими вспышками освещала весь кошмар призрачным светом. Немыслимый рев, свист и треск оформляли сцену светопредставления.

Женя оцепенела настолько, что утратила способность передвигаться, потеряла чувствительность рук мертвой хваткой вцепившихся в перила. Ей даже казалось, что их у нее уже нет и ее вот-вот, при очередном крутом крене вытряхнет в преисподнюю, как окурочек из пепельницы. Подняв голову, чтобы воззвать с мольбой к всевышнему, она с недоумением увидела, как по мачтам и перекладинам скачут какие-то фигурки – те самые засранцы, которые резались в карты, покорно выслушивали, нравоучения за очередную проказу. Даже поросенок, отчаянно мотал какой-то канат, и что-то истошно орал другому, прицепившемуся за рею. Когда он оглянулся, Женя с ужасом увидела, что он хохочет. Тронулся?!

Она попыталась было пробраться к мостику, как на нее налетело что-то, большое и сильное, сгребло в комок и швырнуло в коридор. Она едва успела за что-то ухватиться. Развернулась и узнала Василия. Не говоря ни слова (все равно не разобрать) он проволока ее по коридору и затолкал в каюту, рывкнув в ухо:

– Сидеть!

Сам он попытался, было выскочить за дверь, но Женя вцепилась в него как клещ, и заорала, что не хочет умирать одна.

Капитан вдруг рассмеялся, протащил ее к кровати, завалил на постель и пристегнул ремнем. Она сопротивлялась, но он, сжав кисти ее рук, просунул и их под ремень.

– Еще поживем, – крикнул он ей на прощанье и исчез.

Женя с ненавистью посмотрела ему вслед, безнадежно трепыхнулась пару раз и затихла, ожидая бездарного безрадостного конца. До чего же все глупо и обидно... Она не понимала, сколько продолжался этот кошмар, но некоторое время спустя обнаружила, что качка уменьшилась и, вскоре, прекратилась вовсе.

Она долго еще лежала неподвижно, потом отстегнулась и, все еще не веря в то, что жизнь не кончилась, выглянула в иллюминатор. Шхуна стояла в какой-то бухте, недалеко от скалистого острова. Ноги еще не держали ее, и Женя ползком вернулась к кровати, но лечь не успела.

Вошел Василий, и Женя с удивлением обнаружила, что капитан, чаще задумчивый, или инфантильный сияет, словно новый пятак. Странный все-таки народ, мужики. Чтобы почув-

ствовать себя счастливыми им надо побалансировать на самой грани, за которой уже можно свернуть себе шею... И в такой момент им, конечно же, не жаль и других. Эгоисты!

Уже совсем неожиданно он подошел, сгреб ее одной рукой и заглянул в лицо.

– Жива? А глаза почему на мокром месте?

– От обиды... -

Она хотела сказать, как ждала его, какое безумное желание одолевало ее, но не рискнула. Должен же он сам хоть что-то понять...

Но, урод, даже не поинтересовался, отчего возникла эта самая обида, и поплел свои мемуары...

– Мы переходили пролив в штормовую погоду. По учебному плану. Ребята справились, хотя болтанка была не самая...

– Это была болтанка?! – возмутилась Женя.

– Конечно. Бывает круче. Скоро все окончательно утихнет, и пойдем дальше. Сейчас мне надо будет собрать команду и через час я свободен.

Он будет свободен. Для кого? Женя подозревала, что это снова пустая провокация, что ничего не будет, и случится очередной облом. Много радостей не бывает!

Обед был оформлен как праздничный банкет для всех, кто был на шхуне, с небольшим количеством спиртного (даже для курсантов) по случаю удачно прошедшего учения. Женщины тоже повыползали из своих нор, кто с зеленой, кто с серой физиономией. Наверное, эти учения были предусмотрены и для них. По крайней мере, более удачного варианта, чтобы заставить ценить своих избранников придумать трудно. Даже Юлия, наконец-то, подседа к своему культуристу и ткнула носом ему в плечо. Тот снисходительно усмехнулся и обнял ее. Фингал под его глазом уже растворился, и теперь он выглядел настоящим героем.

По сообщению капитана переход обошелся не только без потерь личного состава, но и без материальных, если не считать ящика с пивом, который кок перед штормом, на какой-то хрен выставил на палубу. Правда, эта информация у некоторых вызвала сомнения, не был ли ящик смыт еще до шторма.

Здесь же, на банкете она встретила, наконец, с Андреем, которого давно не видела. Отведя потеряшку в сторону, Женя спросила у него, что он думает по поводу того, о чем шепчется народ. Несмотря на туманный вопрос, Андрей ответил ясно и лаконично, что, явно недооценивал Евгению – сломать капитана не каждой дано. Та с усмешкой посмотрела ему вслед, но подумала, что в его словах есть какой-то смысл. Или никакого? В любом случае кто-то недопонимает капитана – то ли Андрей, то ли Ксения, то ли она сама. Уж больно разные у всех мнения. Полагаться, конечно, следует на свое собственное. Независимое. Но, когда она успеет его создать? Через пару дней поход закончится. А что останется в его памяти от общения с ней? Алкоголичка, нимфоманка... Биологическая копия своей мамы. От последней мысли у Жени все опустилось...

Недоброе предчувствие ее не обмануло. Очередная метаморфоза произошла с ним, как только с мостика сообщили, что прямо по курсу Питер. За несколько часов до причала он отчистился, отгладился, побрился и снова стал просто капитаном с тем же нечитаемым лицом и колючими глазами, какой он ей запомнился по Таллиннскому причалу. Жене несколько раз безуспешно пытавшейся поймать хотя бы его взгляд стало казаться, что все, что с ними происходило совсем недавно просто галлюцинации. Ну, пусть безумный секс ей померещился спьяну, или в сонном бреде, но все остальное – Стокгольм, кабачок, Иохим, и сам он, такой близкий и теперь снова потерянный. Евгения, в сердцах, даже пожалела, что она не террористка и не может взорвать к чертовой матери эту проклятую посудину, которая вчера еще была кораблем надежды, а сегодня волочет ее к причалу, как последнюю сволочь. Она никак не могла понять, что произошло?! Неужели это реакция на ее покаяния? Разве непонятно, что попытаться рассказать о себе все самое гадкое только человек, решивший стать другим?

Совсем другим. Сбросить груз прожитого, забыть все прошлое и начать сначала. Или это просто совпадение по времени и здесь что-то иное?

За час до того как на горизонте появилась земля, ей удалось без свидетелей перехватить хамелеона на палубе. Она притиснула его к перилам, посмотрела широко раскрытыми глазами в его безучастное лицо.

– Что случилось? Меня больше нет?!

– Просто мы приплыли.

– Я не хочу, чтобы мы приплыли, сделай что-нибудь или выбрось меня за борт!

Василий внимательно и даже как-то строго посмотрел в ее безумное лицо и без улыбки ответил:

– Еще успею.

– Так это что, была моя оплата за круиз? Если на таком уровне, все понятно, но тогда об этом надо сказать. Всего лишь! Чтобы я не ворочалась ночами, не вскакивала от твоего голоса в коридоре, чтобы... – Женя задохнулась от подступившего спазма. – Я что-нибудь не так сделала? Не заставила тебя дежурить под дверью, а сразу раздвинула ноги? Может быть, нам надо было года два писать друг другу письма? Может быть, у меня что-то не так устроено, как у других? У Ксении, например... Ты же пел мне, что не веришь в то, что я безнадежна, психолог хренов... Или что, это был эксперимент по перевоспитанию распутной девки? Ну, конечно, разве порядочная женщина, так ведет себя под мужиком – кричит, царапается, плачет, что там еще со мной было... Она же в это время декламирует стихи о любви к родине, а потом говорит спасибо и аккуратно вытирает тебе член чистой салфеткой...

Закончить пламенную речь Жене не дали – капитана окликнули с мостика. На этом их общение закончилось а, когда шхуна причалила в районе Петергофа, чтобы дать возможность женщинам незаметно покинуть корабль, Жене окончательно захотелось умереть. Умереть до того как она ступит на этот причал, сядет на электричку, перешагнет порог своей квартиры... Больше всего жалела она сейчас о том, что они не утонули во время того шторма, когда он пристегнул ее к кровати... Подойдя к трапу, Женя невольно оглянулась. Василия, конечно же, нигде не было видно.

Уже на сходящих ее легонько подтолкнула вбок Ирина.

– Ну, ты и врать! Здорово нас одурачила... А это хорошо, что вы похожи. Говорят, что, если мужчина с женщиной похожи друг на друга, это значит, что их брак будет счастливым.

Женя ошарашено посмотрела на улыбающееся лицо

Ирины. Хотела, было спросить, кто это их женил, но возражать не стала и только согласно кивнула головой. Действительно, как не быть счастливым с таким мужчиной, таким непредсказуемым любовником готовым раствориться в тебе, заполнить тебя диким восторгом, поднять до небес и... бросить в сточную канаву. Подлец даже звуком не обмолвился, как они будут дальше? Друг без друга? Вместе? Или другой вариант. Меньше всего Женю устраивал другой вариант. Быть время от времени его партнершей по сексу она уже не сможет. Друг без друга? Тоже немыслимо... Ведь он не спросил ни адреса, ни телефона, ни о том, хотела бы она быть с ним или нет, сможет ли она вообще после всего жить как прежде...

Передвигая непослушные ноги по ступеням своего подъезда, Женя взывала к силам, которые нами руководят, чтобы дали ей хотя бы возможность побыть одной. Видимо всевышний внял ее мольбам, на звонок никто не отреагировал и Женя, открыв дверь своим ключом, вздохнула с облегчением. Мамашу куда-то сгребло! В записке на кухонном столе адрес ее пребывания – районная больница.

Швырнув вещи в угол комнаты, Женя провалилась в пошатнувшееся кресло и закрыла глаза, в очередной раз, поминая свой неуправляемый язык и свою, вероятно единственную, окончательно выпрямившуюся, извилину в голове наихудшими из слов, какие усвоила за двадцать четыре года. Перебрав с дюжину, поднялась, взглянула на себя с ненавистью в зеркало

и, обречено решив, что кесарю – кесарево принялась по телефону разыскивать справочную службу районной больницы. Дежурная сообщила, что состояние ее мамыши удовлетворительное. И то хорошо! Ей бы только похоронных проблем сейчас не хватало!

Женя подошла к окну, посмотрела на проспект, где мельтешили транспорт и люди, хотела, было открыть створку, но раздумала. Широченные проспекты и зелень вроде бы есть, но воздух... После свежего, морского, все равно, что мордой в не смытый унитаз.

Пообедав кое-как, Женя включила телевизор, поглазела латиноамериканский бред, потом отечественный, отчего стало еще тоскливее. Одиночество, только что желанное, стало невыносимым.

Неожиданный телефонный звонок привел ее в чувство. Она не верила, что это Василий, но хоть кто-то... Звонил Андрей. Не знает ли она, где может быть Ксения? Дома нет, а ключи у нее. Хозяйина квартиры, в которой они живут тоже Митькой звали ... Уже полдня околачивается у подъезда и, похоже, ночевать придется тут же. Нельзя ли пока к ним? Хотя бы бросить вещи?!

Женя криво усмехнулась.

– Приходи. Объявится любимая, верну обратно.

Андрей! Вот кто приложит бальзам ей на душу, если этот процесс можно так обозначить... Уж сейчас-то она постарается соблазнить его, как бы тот не ерепенился. В конце концов, клин клином. Тем более что Ксюхе он, что собаке пятая нога. А ей как раз нужна соломинка. Та самая... А тот, стареющий придурок, пусть экспериментирует с другими... Женя решительно отправилась в ванную, приняла душ, надела ажурные трусики, уложила феном волосы...

Переступив порог, Андрей вытянул шею, словно собираясь кого-то приветствовать.

– Ситуация, молодой человек, немного пикантная, – усмехнулась Женя, глядя на вопрошающее лицо Андрея,

– Мы с тобой сегодня одни. Мама в больнице...

– Извини, ты же мне ничего не сказала...

– Что с того? Меня боишься?

Андрей, ничего не ответив, подумал и поставил свою сумку рядом с ее вещами. На вопрос, ужинал ли, ответил отрицательно и добавил, что может перекашляться, у него все равно аппетита нет. Разве что только чашку чая... Женя возразила. Разве она не хозяйка и не сможет позаботиться о мужчине, тем более беспризорном. Опекают же, скажем, пингвины чужих птенцов, чем же мы, люди, хуже?

Андрей только хмыкнул на такую аналогию, но возражать не стал. Женя предложила ему принять душ, сама отправилась в магазин за продуктами. В супермаркете купила бутылку пива, сарделек, макарон и банку растворимого кофе. На батон и половинку хлеба набралось уже с трудом.

Поставив увесистый пакет на площадку, она открыла дверь и, пока переходила через порог, услышала, что Андрей разговаривает с кем-то по телефону. Нашлась Ксения? Не похоже. Закрывая наружную дверь, она намеренно хлопнула ею, и Андрей торопливо попрощался, назвав свою супругу почему-то Анюткой. Женя сделала вид, что ничего не слышала.. Зато Андрей принялся объяснять ей что Аня это девочка, школьница, дочь одного знакомого. Очень привязалась к нему, и все просила сводить ее в Русский музей. Отец вечно на службе, мать, напротив, никогда из дома носа не высовывает... Детям же надо развиваться. Вот и позвонил. Все равно заняться нечем. Вряд ли Ксения явится сегодня, наверное, уехала к матери...

Андрей так долго и так пространно разъяснял ситуацию, что Жене стало понятно девочка явно не малолетка и, потом, (Женя подняла глаза к циферблату часов) какой может быть Русский музей в шестом часу вечера? Андрей тоже уставился на часы, с озадаченным видом. Да, действительно, поздно, но она уже вышла из дома и не встретить ее там, где они условились,

было бы не порядочно, да и уже темнеет, девочка все-таки... Женька хотела съязвить по последнему доводу, но удержалась.

– Что и не поужинаешь?

– Да нет, мы забежим в какой-нибудь Макдональдс...

Несмотря на то, что ее стратегические намерения не осуществились, бегство потенциального любовника принесло неожиданное облегчение. Как будто тебя освободили от предстоящей разгрузки вагона. Когда дверь захлопнулась, Женька вынула бутылку «Балтики» из пакета, профессионально отковырнула пробку ручкой вилки. Подошла к окну и, задумчиво глядя сквозь стекло «высадила» все содержимое бутылки, затем, так же бессмысленно съела холодную сардельку и отправилась спать. Закрывая глаза, она дала себе установку ничего не вспоминать, ни о чем не думать. Команда выполнялась плохо то и дело, словно черти из табакерки выскакивали эпизоды недавнего общения с капитаном, и Женька пожалела, что человек лишен возможности вызывать у себя амнезию по желанию. Потом попробовала убедить себя, что страдания ее – пустое, все о,кей, поплавала на паруснике, побывала за границей, потрахалась в свое удовольствие... Программа выполнена, хотя последнее ею изначально не предусматривалось. Но уж так, наверное, написано на роду...

Звонок из прихожей поднял ее, когда она после длительных и тщетных попыток наконец-то уснула. Уставившись на часы, Женька удивилась. Третий час ночи... Скорее всего Андрей. Она накинула халат, прошла в прихожую. Андрей забормотал что-то похожее на просьбу прощения и прошмыгнул сразу к раскладухе, где она постелила ему.

– Экскурсии в Русский музей закончились?!

В ответ Андрей поплел что-то невразумительное, оказалось Анюта, наяву, никогда не видела, как разводятся мосты, хотя и родилась в Питере. Пришлось ему подписаться... Русский музей, конечно же, отпал. Пролетели по времени...

– Есть хочешь? – спросила Женька, прервав его объяснение.

Андрей, видимо, отказался, потому что раскладуха под ним жалобно скрипнула, и все стихло.

Женька в задумчивости покрутила в руках кофейник и постаралась проанализировать ситуацию. Вряд ли он от бабы, в полном смысле. Нюх у Жени начищен – блудом от Андрея не пахнет... Или после общения с морским разбойником у нее самой нюх потерян... Она ткнула кофейник обратно на плиту, выключила газ и пошла в постель.

Уже забравшись под одеяло, спросила, чтобы выяснить, спит ли Андрей, что он намерен делать завтра. Тот в ответ буркнул, что не знает, и Женька закрыла глаза.

Несколько минут она пыталась сосредоточиться на мысли, что рядом лежит живой, молодой мужчина и удивилась собственному безразличию, как будто он вовсе не живой и даже не мужчина... Что не желанный это уже точно. Она еще успела подумать о том, как все – таки ее испортил подлый мужик с капитанского мостика. Не осталось ни чувств, ни желания. Будто распалась на составляющие, словно детский конструктор и кто теперь сложит новую Женьку? Может быть, это будет уже совсем другая дура, без тех пороков, которыми на вечное горе одарила ее разлюбезная мамаша, ни дна ей...

Почти весь следующий день они провели вдвоем с Андреем. Словно брат и сестра. Женька не раз пыталась настроиться на лирический лад. Безрезультатно. Становилось страшновато. Что же теперь, все мужское племя, кроме поношенного мореплавателя, для нее потеряно навсегда?

К вечеру квартирант снова намылился к своей подшефной. Закрыв за ним дверь, Женька услышала телефонный звонок. Трубку она подняла без всякой надежды на сюрприз, потому что услышав мужской голос, не поверила ушам, потом так растерялась, что не смогла ничего ответить. Капитан, как ни в чем, ни бывало, сообщил, что за поход отчитался и ему уже обещана награда, надеется, что она не будет связана с длительным лишением свободы. В любом случае

до решения комиссии, он свободен и намерен явиться к Жене с ящиком шампанского. Женька, едва придя в себя, от последних слов чуть было не хлопнулась в обморок.

Она все еще держала телефонную трубку, в которой уже были гудки, когда вошел Андрей. Женька даже не сразу поинтересовалась, отчего тот вернулся.

– Васильевич напрашивается вечером в гости, – приходя в себя, пояснила она. – Не знаю, откуда у него мой номер.

– Я дал, а что? – признался квартирант.

– Да ничего, но почему не у меня?

– Наверное, прозевал тебя, занят был. А когда прибудет?

Женька, берясь за раскладушку, оглянулась.

– Не сказал, ... Может через час.

– Я к тому времени слиняю. Вернулся потому что забыл бумажник.

– Да оставайся...

– Нет, нет... Ухожу. Мы же так и не сходили в музей. Сегодня он работает до утра. День музеев.

Жене показалось что-то странным в его ответе, но вникнуть в смысл его слов она не успела – вновь зазвонил телефон. Неужели что-то срывается?! Теперь уже с опаской она подняла трубку. Ксения. Всплыла родимая. Очень кстати. Теперь Женька может по описи сдать ей любимого супруга из рук в руки. Положив трубку, Женька покосилась на парня, который уже торчал в дверях.

– Экскурсия отменяется. Объявилась супруга.

Андрей задумался.

Женька, глядя на его озадаченное лицо, хмыкнула.

– Да не боюсь. Я же ничего не скажу.

Андрей неопределенно хмыкнул.

Ксюха явилась уже через час, и Женька с трудом узнала ее. Побледневшая, с огромными глазами ...

– Ты как после тифа. Остается только остричь, – отвесила комплимент Женька, но тут же решила проблемы подружки изучить позже – после звонка Василия ее изводило желание поделиться своими радостями. Затащив подружку на кухню, Женька принялась расписывать все детали общения с капитаном, совершенно не заботясь о стыковке событий и сама уже с трудом понимая, где истина, а где вымысел. Да и какая разница! На Ксюху, к разочарованию Женьки, краски, которые она старательно размазывала, не производили особого впечатления, потому что та, время от времени отвлекаясь на всякие мелочи. То пыталась притормозить Евгению вопросами об Абрамыче (на кой черт он ей сдался!), то вдруг интересовалась гористое ли побережье в районе Стокгольма... Несмотря на чинимые препятствия, Евгении удалось развернуть, остросюжетную, картину интриг и приключений, но Ксюша смотрела на нее так сочувственно, словно с Женькой случился приступ шизофрении. Наконец Женька замолчала и после паузы, совсем не в тему добавила, что не стоит ее слушать, потому что совсем не все так хорошо... Она и сама не понимала, с чего ее понесло. Может быть, чтобы досадить Ксюхе, которой и шевелить ничем не приходится, чтобы глаза у мореплавателя загорелись как фары...

Когда Ксения сказала, что почти неделю пролежала в больнице Женька опомнилась. Что случилось? Залетела? Нет? Перегнула с порошками? Ксюша отрицательно качнула головой. Она и без них чуть не окочурилась от качки. В больницу она загремела с истощением уже утром. Жене страшно захотелось узнать подробности, но звукоизоляция в квартире не позволяла задерживаться на опасной теме – то, что Андрей увлекся телерепортажем, не было гарантией. Хотя у самого рыльце в пушку, но мужики собственные грехи за грехи не считают.

От ужина с шампанским Ксения, слава богу, отказалась и, наверное, от избытка юмора предложила Андрею остаться. Какие же они все-таки сучки с подругой! К счастью Андрей

вскочил, едва дослушав супругу. Конечно, он домой! В дверях Женя обняла Ксюшку. Исхудала бедняжка, то ли от болезни, то ли от блуда? Вообще-то девчонка хорошая, жизнь только у нее складывается совсем не так, как хотелось бы. Ну, если душа не лежит к мужу, что тут поделаешь... Вот сама-то она, думала ли когда, что будет убиваться от того, придет или не придет к ней сегодня какой-то потасканный лоцман-боцман?!

Едва за блудной парочкой закрылась дверь, Женя кинулась на кухню. Вот-вот должен появиться ее мужчина. Ее! После приготовления обеда намывшись, надушившись и намалевавшись, она посмотрела на часы, потом за окно. На улице уже вовсю разгорелись фонари, «а Германа все нет!». Внутри у нее все тоскливо заныло, и она, уже в который раз решила, что все мужики кобели и сволочи и верить им совершенно никак нельзя и послать надо их всех... Развить тему не дал дверной звонок. Она шагнула в прихожую с решимостью убить на месте любого непрошенного, но, увидев знакомое выбритое и ароматное от лосьона лицо она, вместо того, чтобы сделать обиженный или хотя бы снисходительно равнодушный вид ткнулась носом в его серый шарф, закинула руки на шершавые погоны и чуть не заревела. Это она то!...

Преувеличение о ящике вина было небольшим. Он и в самом деле приволок с дюжину бутылок шампанского. В другой его руке она увидела розы Иохима, которые она оставила в каюте (еще совсем свежие). Поймав ее взгляд, Василий покачал головой.

– Возложила рановато. Где пятый?

Женя, засияв, забрала цветы и опустила их в вазу к тому, пятому, который вынула из букета, когда сходила на берег. Полюбовавшись букетом, Женя впорхнула в прихожую, заставила Василия раздеться и потащила его обратно в комнату за раскладной стол, который был уже выставлен ею на свободную площадь.

– Я забыл спросить, любишь ли ты шампанское, – волоча сумку, спросил Василий.

– Обожаю! – без колебаний заявила Женя. – Только я не уверена, что мы все это осилим.

– Так у нас же целая жизнь впереди, – ответил Василий, и Женя снова замерла от его слов. Потом спохватилась.

– Ты же у меня, наверное, голодный. Я запекла фаршированного судака... Ты ведь любишь рыбу.

Василий с удовольствием потянул носом.

– Уже чувствую. Аромат обалденный... А ты-то откуда знаешь?

– Я знаю больше, чем ты думаешь, – засияла Женька.

За столом возникла, было, дискуссия, с чего начать. То ли с шампанского, а потом уже судак и снова шампанское, но уже с фруктами, или сначала рыбу, а затем... Но, наверное, оттого, что слишком долго смотрели друг другу в глаза ужин начался с другого конца. Диван грохнул, распавшись, и одежды полетели в разные стороны. Трехсуточная выдержка пошла на пользу. Обычно управлявшая собой и находившая особую прелесть в сдержанной инициативе Женя на этот раз сорвалась, неожиданным движением бросила Василия на спину и плашмя кинулась на него...

По настоящему оценила Женя шампанское, когда организм в блаженной усталости и жажде востребовал этот напиток. Бутылка была вынута из морозильника, где успела «задубеть», пока они познавали запредельные радости. Женя жадно хватала глущее, взрывающееся во рту колючими иголочками вино и блаженно жмурилась. Что было сегодня? Еще одна ступенька вверх? Не слишком ли уже высоко? Риск сорваться становится уже смертельным. Внизу, считай, пропасть. Падение будет стоить жизни, да в этот вечер несколько и не верилось в такую катастрофу. Крепкий улыбчивый мужчина, что лежал рядом с ней создавал ощущение надежности, вечности, неприступной крепости. Он как волнорез проложит фарватер к сказочному острову, где они будут жить вечно... Ведь он же так сказал. Или почти так...

– Ты у меня просто львица, – пробормотал Василий, медленно проводя ладонями по взмокшим, все еще подрагивающим от возбуждения ягодицам своей наездницы...

Уснула Женька только под утро и проспала тот момент, когда Василий ушел. На прикроватной тумбочке она прочла одно лишь слово «Позвоню». От вчерашней эйфории не осталось и следа.

Забравшись обратно в постель, Женька попыталась уснуть еще раз, но из опасения, что может не услышать телефонного или дверного звонка отказалась от этой затеи. Потом вскочила, принесла с полки телефон и поставила на прикроватную тумбочку. Вдруг и в самом деле задремлет... В дверном замке неожиданно заскрежетал ключ и в квартире, совсем уж не к месту и ни ко времени, нарисовалась мамаша. Похоже, уже навеселе.

– Явление..., – задохнулась Женька. – Что, уже вылечилась?!

Родительница махнула рукой.

– Что там лежать без толку. Какое там лечение? Таблетки я и дома пить могу. Боролись за платную медицину. Дураки, вроде меня. Лечение будет лучше! Как же! Цены выше, а в больнице даже туалетной бумаги нет, задницу вытереть, тапки надо приносить свои, кормят только чтобы сдохли все не в один день...

Маманя оглядела комнату и округлила глаза.

– Что это у тебя здесь, банкет или свадьба была?

– Еще не кончилась, – ответила Женька.

Алла Ивановна подошла к кровати и сунула, было, нос в записку, но Женька вовремя переместила ее под подушку.

– Иди выпей там, на кухне шампанского, тебе как раз в тему, умирающая...

Алла Ивановна взъерошилась.

– Да ты что, родную мать в алкоголички записываешь?! Все, завязано.

Женька криво усмехнулась, но промолчала.

– Не веришь! – констатировала мамаша.

– Да что тут темнить! – не выдержала на этот раз дочь. – Ты и из больницы то слиняла, потому что там не разгуляешься. И как ты меня-то умудрилась произвести на свет... Наверное, тоже по пьянке. Потому душой и выросла.

– Что ты мать с утра облаиваешь? Если у тебя что-то не стыкуется, я тут причем? – взвилась родительница. – Пили, вижу, вместе, а в постели одна? Что, у него не стоит?

– Закрой рот, – устало притормозила ее Евгения. – Иди на кухню, там еды навалом.

Мамаша, не дожидаясь повторного предложения, двинулась по указанному адресу.

– Кто у тебя тут был? – раздался ее голос уже оттуда.

– Любовник, – отрезала Женька.

– Ну, это-то видно. Сколько шампанского. Счастливая.

– Счастья полные штаны, особенно с твоим приходом, – огрызнулась Женька.

– Ну, какая ты у меня грубиянка, – укоризненно промурлыкала мамаша, по неосторожности звякнув горлышком бутылки о край стакана. Поняв, что конспирация нарушилась, добавила:

– Я только один плоточек. Во рту все пересохло... от этих чертовых таблеток. Да и вся задница как решето...

Женька вздохнула. Ее не больно тревожили проблемы родительницы. Можно было ее совсем не замечать, но своим появлением она всегда добавляла проблем ей... Василий, как она знала, жил в своей квартире не один. С престарелой матерью. Куда им податься, в случае чего? Хотя уже и сомнения берут, что этот случай вообще представится...

– Ты надолго домой? – с надеждой спросила она.

Мать высунулась из кухни.

– Как это... надолго? Совсем.

– Если мне позвонят, сможешь ты слинять, куда-нибудь, часа на два. К своим подругам, собутыльникам.

Родительница ухмыльнулась

– Что у любовника и угла своего нет?

– Не знаю.

– Бомж что ли? Звать то хоть как, знаешь?

– Слушай, это ты таскаешь сюда с помойки кого попало. Нет, не из ваших.

– И это на мать то!...

– Такая мать доброго слова не стоит, – воткнула последнюю шпильку Женя и, заметив, как краснеет лицо родимой, нехотя перевела стрелку на другой путь.

– Ладно, успокойся, ответь только, сможешь ты нас оставить?

Мамаша быстро и торжествующе выбросила руку с плотно сжатой фигой в сторону дочери.

– Вот тебе ответ! Даже не подумаю.

Женя вздохнула. Черт с ней! Только бы Василий не потерялся! А там они найдут, куда податься. Может быть, у него есть какие-то варианты. В конце концов, чья это забота, как не мужчины?! Непонятно только, куда он исчез. Ночью, он как будто бы говорил о какой-то комиссии, которая должна что-то решать. Почему же ни разу не набрал ее номера? Не в каталажку же его посадили. Но он же сказал, вот здесь, посреди этой комнаты, что у них вся жизнь впереди!... Да, она, возможно и впереди, но протекать может отдельно! В два рукава. Может быть, его уверения о том, что у него нет женщины – сказки? Обычные сказки прожженного ловеласа. Очень сомнительно, что память о шведке его до сих пор держит. И сейчас какая-нибудь Ксюша или Нюша ублажают любвеобильного мореплавателя по полной программе, а она тут сходит с ума!

Женя подошла к зеркалу и уставилась на себя презрительным взглядом. Господи, страхолюдина-то какая! Взгляд волчий, волосы обвисли, щеки ввалились... это за один то день! И никакого аппетита. Никакого. Да это и лучше. Несколько таких дней и ноги оторвутся от земли. Останется только на них надеть белые тапки...

Хоть бы Ксюха позвонила, что ли! Но ей-то что! Один любовник куда-то сбежал, зато муж получил распределение к теплему морю, а там этих возлюбленных...! Забудет и про своего архивариуса. Василий, вот тоже немолодой, но еще корки мочит, хотя, с первого взгляда и он казался ей каким-то поношенным, смешно вспомнить. Да нет, она сразу почувствовала, что достанет он ее. И он ее достал. И ведь знала же, что надо притормозить, остановиться, что настанет тот день, когда придется расплачиваться за свои эксперименты. Вот оно и сбывается. А теперь и вся жизнь уже не в радость. Кто сегодня принесет ей хоть частичку тех ощущений, какие она испытала на корабле, от которых хотелось раствориться в пространстве? Она же думала, что только качка добавляет столько диких оттенков в сексе, но вот и здесь минувшей ночью они попали в такой шторм, что крыша до сих пор на место не стала...

Мать, выбравшись из кухни, снова безуспешно попыталась прознать о приключениях дочери, которые ей почему-то не давали покоя. Не добившись никакой информации, однако, не упала духом. Настроение после приконченной бутылки шампанского пошло на подъем и теперь она, бормоча какую-то мелодию незапамятных времен, недвусмысленно поглядывала на часы.

– Да что ты поглядываешь, как будто не знаешь, что супермаркет работает круглые сутки, – просекла Женя. – Только лично у меня денег нет.

– Я думаю, что нам приготовить на завтрак, – сквасилась мамаша.

– Не темни. Продуктов полхолодильника. Там в кладовой, в коробке есть еще шампанское. Неси, я тоже выпью.

После шампанского маманя окончательно воспряла духом и все-таки сбегала тайком за маленькой. Потом за второй, уже с согласия дочери. Женя никогда раньше не пила с матерью

и сейчас, хотя и сидели за одним столом, каждая была сама по себе... Маманя просто балдела, а Женя отчаянно и молча, заливала свои невеселые мысли.

Телефонный звонок подбросил ее со стула, когда пора было отправляться на свой диван. Она схватила трубку, попыталась подать голос, но он куда-то пропал. Когда же расслышала Андрея, ей расхотелось подавать его вообще. Парень сообщил, что через день они с Ксенией уезжают, Женя, не дослушав, ответила, что все поняла, что найдет время проводить их, и сразу же положила трубку.

Второй день начался, как и первый. Такая же неопределенность... В обычном репертуаре поднялась и мамаша. Еще раз, осознав свой тяжкий рок и поплакав в платочек, она, в очередной раз объявила о своем уже совсем окончательно твердом намерении прекратить всю эту разгульную жизнь, встречи и попойки со всяким отребьем. Конечно, все это из-за мягкого характера, и жалости. Не может она не посочувствовать человеку, опустившемуся на дно. Как не протянуть руку помощи..., но теперь хватит! Вместо того чтобы выбираться с ее помощью из подвалов они сами затягивают ее туда... И это она, интеллигентная женщина, никогда в своей жизни не произнесла ни единого бранного слова, и, вот теперь, общается черт знает с кем. (Женю всегда умиляла эта привязка к среде интеллигентов – маманя, большую часть жизни, проработала вагоновожатой, а в конце «творческого» пути уборщицей в трамвайном парке).

– Ты что, не помнишь с кем пила вчера?! – вяло притормозила ее Женя – Со мной!

Маманя выкатил глаза.

– Да ты что? Ты же не пьешь?!

– Так я же твоя дочь, к несчастью. Ладно, помолчи, из-за тебя звонков не услышать!

Мать фыркнула, но продолжала что-то бормотать в своем углу.

Опасения дочери не расслышать телефонный звонок, оказались напрасными, он прозвучал довольно громко. Женя кинулась к аппарату как пантера, но снова напрасно. Линию заняла Ксюха, с той же информацией, с которой прошлым вечером влез Андрей. По разным квартирам спят, что ли? Несмотря на взвинченное состояние, Женя поинтересовалась у подруги, что у них там стряслось. Та ответила, что все в порядке уезжают на службу в Севастополь. Жене некогда было продолжать допрос и она, пообещав, что придет, когда сможет, швырнула трубку на место. Других звонков не последовало, словно телефонный провод оборвался.

Ближе к полудню Женя потеряла всякое терпение и решила не ждать больше милости от судьбиனுшки, выволокла из тумбочки телефонный справочник и принялась отыскивать на бесконечных желтых страницах номера военно-морских училищ. В конце концов, должна же она ему сказать, как он ей осточертел, как она сожалеет, что судьба их столкнула и как бы она хотела забыть обо всем, что между ними было и как бы хотела никогда не слышать, что есть на свете такой подлый, такой безжалостный человек... Женя не успела найти нужную страницу, как телефон разродился длинной трелью. Она замерла на секунду и очень осторожно (только бы что не сорвалось!) подняла трубку. На этот раз это был он. Каким-то странным голосом Василий принялся рассказывать сказки – будто в тот день, когда собирался к ней, на пешеходном переходе его сбила иномарка. Ночь отвалился в лазарете. Утром сбежал, да напрасно. Ему тут же вручили предписание отбыть на мурманскую базу, командовать посудиною... Он и звонит то уже из аэропорта. Ей до отлета не успеть, да и видок у него – не узнает... Он ей напишет... Жене не следует во все это въезжать. У нее еще не окончена своя школа. Надо доучиться, да и подрасти заодно. А его отъезд надо воспринимать как командировку, как уход в плавание. Дальнее. Вероятно, то, что произошло, к лучшему. У нее будет время все взвесить, проверить себя, чтобы не наломать дров. Он бы очень не хотел, чтобы Женя начала свою взрослую жизнь с ошибки. Если будет неважно, насиловать себя не нужно. Она ему ничем не обязана. Но он обязательно напишет... Уже объявляют посадку. Он целует ее много-много раз и просит у нее прощения.

Женя уставилась на загудевшую трубку, и пожалела, что его нет рядом, и она не может этой трубкой дать ему по морде, потом с тоской подумала, что такое нести, можно только сильно ударившись головой. С кем он вообще говорил? Значит, она ему ничем не обязана? Нет, тут не обошлось без соперницы. Жаль, что они не утонули тогда... Что ей остается теперь? Серые, тягостные от дикого одиночества дни? Нет, все-таки хорошо, что он ей позвонил, теперь у нее есть хоть какой-то ориентир. Женя поднялась, словно зомби прошла в ванную, приняла душ, позавтракала на кухне и, оторвав мать от экрана, у которого та затихла, словно мышка, объявила о генеральной уборке.

– Жизнь начинаем сначала, – объявила она. – Хотя тебе уже, наверное, поздно.

Алла Ивановна взвилась на дыбы и, в подтверждение своей решимости изменить жизнь схватила за швабру. Задача облегчалась тем, что накануне дочь почти все отчистила и отмыла. Покончив с уборкой, мамаша по инерции принялась стирать уже постиранное, штопать то, что пора бы уже выбросить. Женя, молча понаблюдав за матерью, никак не комментировала ее хлопоты. Пусть хоть денек побудет в образе человека. Может еще и не все потеряно и зря она ее опускает.

Закончив исправительные работы, отмывшись и надушившись, родительница ошарашила дочь заявлением, что идет в театр. Неважно какой. Ей необходимо общение с достойной публикой, чтобы закрепить стремление к свету. Уже собравшись, Алла Ивановна предложила пойти с ней и Жене. Само по себе приглашение было настолько необычным, что та отказалась, скорее от неожиданности и заявила, что лучше пойдет на дискотеку. Посмотрев вслед матери, она безнадежно вздохнула. Недолго музыка играла – или не придет ночевать вообще или приволочет очередного шаромыгу. Где она их только находит?

Когда маманя ушла Евгения подумала о том, что скоропалительное решение пойти на дискотеку, пожалуй, и в самом деле имеет смысл. Подцепить какого-нибудь зассанца и забыть, все что было, перевернуть, наконец, эту страницу не из ее романа и заколоть большой скрепкой.

Она стала неспешно приводить себя в соответствующий образ – взбила прическу, накрасилась по максимуму, напятила на себя «спецовку» и когда стала напоминать встрепанного попугая, принялась размышлять, куда навести лыжи? Может опять в Стрельну, к морячкам? Так это вроде бы уже проходили. Да еще с осложнениями. Теперь один вид этой формы будет долго вызывать у нее аллергию. Наверное, всю жизнь.

В прихожей она вспомнила, что мать не оставила ей денег. Можно позвонить Катке, партнерше по таким мероприятиям (та всегда при бабках и поделится без стонов), но настроение уже пропало, да и стало понятно, что не только на морячков, просто ни на кого глаза уже не смотрят. Решила позвонить подруге-сокурснице. Клара отчитала ее за прогулы в институте и, между делом спросила, много ли впечатлений набралась от путешествия.

– В один том не уложатся – вздохнула Женя ...

– Опять с проблемами?

– Свинья всегда грязи найдет...

Пообещав подробный отчет в ближайшие дни, она положила трубку, разоружилась в обратной последовательности и попыталась взяться за науку. Безуспешно полистав пару книг, Женя поняла что не готова к каторжным занятиям и решила поспать, тут же на диване. Все-таки время пройдет незаметно. Правда может и не получиться, опять начнут одолевать мемуары, черт бы их побрал. Да ладно бы просто мемуары, а то вдруг померещится его шепот, начинают ощущаться его руки... Это уже клиника!

Чувствуя, что крышник не дает ей заснуть, Женя решила принять, в качестве снотворного, стопочку водки (кому теперь нужно ее воздержание?!) и открыла холодильник. Вынула бутылку, подозрительно легкую, посмотрела на свет... Конечно, маманя не зря раскаивалась. Оставит она, пожалуй, хоть каплю! Вышвырнув пустую посудину в мусорное ведро, Женя вернулась на диван. Вот она жизнь!, спиться и то нет возможности.

Утром ее разбудила мать. К безмерному удивлению дочери, бродяга в добром здравии, хорошем настроении и без прицепа. С полчаса плела что-то о сюжете спектакля, об актерах, о каком-то режиссере с хохляцкой фамилией, имя которого Женя уже слышала, но почему-то думала, что это лидер партии сексуальных меньшинств. Услышав финал представления, дочь поняла, что коза все же побывала в капустнике.

– Тебя даже в театре угораздило попасть на порнуху!

Маман возмутилась и заявила, что там, где царствует настоящее искусство, даже порнуха несет в себе здоровый эмоциональный заряд, способствует пониманию прекрасного... Женя, махнув рукой на «театралку» решила, что это все же лучше, чем ее практические занятия с бомжами по той же части.

Женя, поднимаясь с постели, вспомнила о Ксении.

– Звонила Ксюха. Сегодня она уезжает со своим в Севастополь. Его туда распределили.

– Я тоже, – отозвалась мать.

– Что, тоже? – насторожилась дочь.

– Что... Пойду провожать. Как-никак Ксюша нам не чужой человек, я уже привыкла к ней. Только полежу немного... Во сколько?

– Поезд в три...

Она не приняла всерьез заявление своей родительницы и ближе к полудню, стараясь не особенно шуметь, привела себя в порядок и собралась уходить, когда Алла Ивановна подняла голову над подушкой.

– Уже пора?

– Да, я пойду пораньше. Собираемся на перроне Московского.

– Я проспала, – забормотала мамаша, вылезая из-под одеяла. Что-то долго не могла заснуть ...

– Так по трезвянке не привычно, – хмыкнула Женя.

– Ох, и не любишь ты мать, – покачала головой Алла

Ивановна, – не уважаешь...

– Давай не будем, с утра о любви! – возникла Женя. – Я пошла.

Женя никогда не испытывала любопытства к чужим проблемам и, хотя идти на проводы особого желания не было, сейчас готова была забить себе голову чем угодно, лишь бы не соскользнуть снова во вчерашний день, не дотрагиваться до скрепки кое как удерживающую перевернутую страницу. Она была уверена, что продолжения того что было уже не будет, потому надо постараться заслонить, забаррикадировать историю безумного круиза. Надо убедить себя, что все ей показалось, и выбраться из иллюзий как можно скорее, заполнить каждый час, каждую минуту новыми заботами, новыми проблемами. Своими ли, чужими... Андрей, явно звонил, чтобы выяснить, не у нее ли Ксения. Неужто она отыскала все же своего махрового? Хорошо, Женя вовремя бросила трубку, а то, не знала бы что ответить. И та, коза, не могла предупредить ее? Тогда и песни могли бы сочинить на одни слова. Вот два сапога то! Не понять ни ее, ни Андрея.

Еще перед тем, как войти в подъезд Женя разглядела через окно Ксюшу. Та, как ни в чем, ни бывало, что-то готовила на плите. Да и то, до поезда еще больше двух часов и если все вещи собраны суетиться, ни к чему. Движения ее размеренны, спокойны. Лицо разгладилось, тени исчезли. Сексотерапия творит чудеса! Женя обняла подругу, чмокнула в щеку и стащила с тарелки, на столе, аппетитный пирожок.

– Кулинар ты знатный, – едва прожевав, заплатила за съеденное Женя. – Ну, что у вас тут стряслось?

Ксюша неопределенно пожала плечами.

– Не ночевала дома? – уже шепотом спросила Женя, покосившись в темный коридор.

Ксения, молча, кивнула.

- И что, скандал?
- Да нет.
- Не хочется уезжать? – немного разочарованно спросила Женья.
- Не хочется, – призналась подруга.
- Чудачка, я бы по шпалам, было бы с кем ...

Ксюха покосилась на Евгению и хмыкнула. Та, спохватившись, притормозила.

- А он-то где?...

– Кто? – остановила творческий процесс Ксюша.

– Ну, Андрей, конечно.

– Спит, – равнодушно ответила подруга, закладывая новую порцию начинки на противень.

Женья не успела удивиться, как из-за угла коридора вышел Андрей. Вид заспанный. Тоже, наверное, разводил мосты. Увидев Женю, кивнул головой и сунулся за дверь туалета, которая толком не закрывалась. Мочился он шумно и вывалился на кухню продолжая застегивать ширинку. Женья с досады закусил губу. Надо же такое придумать! Словно он среди тех женщин, которые видали все, что у него есть. Или он это со зла? Пусть жена думает что хочет. Ну и дурак! А вообще-то зря она с ним не переспала. Надо было через «не могу». Сейчас хотя бы была дистанция между нею и тем нервомотателем из вчерашнего дня. А так, вляпалась, как муха в ленту. Всеми лапами сразу.

Ксюха на выходку мужа не прореагировала никак. Женья нетерпеливо покосилась на Андрея. . Хоть слинял бы куда– ни будь на минутку, иначе она так ничего и не поймет... А на вокзале к ним еще присоединится ходячий восторг – ее маманя...

Андрей, как будто уловив какой-то сигнал, умылся и, буркнул, что идет звонить и хлопнул входной дверью.

Женья, подождав, когда в окне промелькнет его фигура, повернулась к подруге.

– Ну?!

Ксения, вместо того, чтобы быстро изложить ситуацию стала тянуть kota за хвост – она до сих пор колеблется, ехать ей или нет. Глаза Ксюхи при этих словах стали подозрительно поблескивать. Уж не собралась ли реветь? Женья попыталась выяснить, где он сейчас. Ксения пожалала плечами. Не знает сама. И не знает самого главного, нужна ли она ему?... Женья вздохнула. Знакомая песня. Все они такие, что ли? Ну, этого-то можно понять – не хочет разрушать семью, да и какой он конкурент Андрею. А Василий, что? У него-то никакой конкуренции... Молодая симпатичная любящая его девушка. Ну, пусть немного непутевая, но ведь это поправимо. Неужто оно, это прошлое как вечное клеймо? Разве та, которая хотела бы наставлять ему рога стала бы выворачиваться наизнанку?... Спихнулась Женья, когда Ксюша уже замолчала. Что-то, наверное, прослушала... Но было поздно – вернулся Андрей. Он, оказывается, уходил вызывать машину.

По знаку Ксюши сели за стол. Женья попыталась было сказать для разрядки что-нибудь с юмором, но соображалка отказала и, посмотрев на обоих, Женья пожаловалась, что остается без лучшей подруги, пожелала им доехать без проблем и заявила вдруг, чтобы ждали в гости. Может быть и не одну. Черное море, все-таки...

Машина, которую вызвал Андрей, оказалась новенькой иномаркой. За рулем, как выяснилось его сокурсник, Сергей (так он его назвал). Парень довольно симпатичный, плотненький, стриженный под ежик, с открытым беззастенчивым взглядом карих глаз. Женья уселась за его спиной и больше смотрела на его оттопыренные уши, чем на дорогу. Вспомнила мамашины сказки, что определить умственные способности мужчины можно по ушам. Оттопыренные, значит умный. Где она подцепила эту околесицу. Наверное, перепутала с анекдотом, только там как будто определялись не умственные способности, а что-то совсем другое. У одного из мальчишек их двора тоже «локаторы» были, будь здоров, но он не блистал не то, чтобы умом,

но был просто тупым. Она, правда, не знает, как у него было по другой части... Надо надеяться, что с этим будет не так. А почему «будет», спохватилась Женья. Не собирается же она закрутить с ним романчик? Это, было бы, кстати, тем более что глазки парня нет-нет, да и задерживаются на ее отражении в зеркале. А с чего это вдруг такой поворот? В отместку? Ведь, подлец, явно что-то инсценировал, чтобы сорваться в Мурманск. Якобы сослан в наказание за учебно-развлекательный поход. Хотя и логично. Ради бабенки, пусть и смазливой (Женья скосила глаз на Ксению) устроить целый круиз и на чем?! А если бы командовал каким-нибудь авианосцем, то что? Собрал бы всех б... России и отправился в кругосветку? Воюйте тут, как хотите!... И чем же она его взяла? Женья снова покосилась на подругу. В общем-то, конечно, будь она сама мужиком, может быть тоже что-нибудь отчудила бы, ради этой попки с глазками... Врет то Василий, конечно, профессионально,! Попал под машину, как же! Так ударился головой, что тут же решил слиться. Не горюй, родная, когда-нибудь, может, и увидимся. В крайнем случае, на том свете!... Вот и у Ксюхи, такое же чудо. И что представляют то из себя? Один поношеннее другого, а смотри, какие коленца заламывают! Девочки, одна другой лучше – молодые, умницы, готовы им хоть на нос п... повесить, а они рожи воротят!

Женья тряхнула головой и перевела взгляд в боковое окно. Разошлась! Вроде бы занялась самовоспитанием и на, тебе! Словечки, что у бомжей, правда так нынче объясняются даже профессора, что говорить о публике с интеллектом поскромнее... Интересно, сегодня младенцы, как и раньше первое слово произносят «мама» или сразу, в развернутом виде? Женю деградация человечества, вообще-то не сильно напрягает. Речь – показатель лично для нее. Она справится, она всем докажет... Женья снова посмотрела на Серегу. Так если приступила к перестройке, какие могут быть поползновения к блуду? Мораторий! Но ради кого? Неужели ему совсем безразлично, верна она ему или нет?! Значит, только сексуальная партнерша? Если так, то зачем такой партнерше целомудрие и изящная словесность? Если нет спроса, то и товар не в цене... А парень то, как будто, и в самом деле заинтересовался ею. Парнишка вроде плотненький. Местами...

Когда машина остановилась у вокзала Женья, чтобы проверить свои догадки попросила водителя подождать ее (наверное, им будет по пути) и шагнула на тротуар. Сергей, окинув ее взглядом в полный рост, подмигнул. Значит, первую строку в новую страницу она впишет уже сегодня. Крупными буквами.

Мамаша Жени, конечно же, затесалась совсем на другую платформу и дочь уже собралась устроить ей выволочку, но выяснилось, что они сами не на месте – посадочную площадку поменяли, и поезд уже был подан. Едва перегруппировались и успели перебраться несколькими словами, как неожиданно, словно из-под вагона вынырнула Ксюшина родительница. На нее с изумлением воззрилась и сама дочурка – Ксения.

– Не ждали?! – торжествующе заявила та, и едва сориентировавшись в лицах, стала объясняться в любви зятю.

Когда она ни к селу, ни к городу понесла о катастрофах на море и о том, какая это опасная профессия моряка, Женья перевела взгляд на Ксению. По ее лицу синхронно тому бреду, который несла ее мамаша проскальзывали тени. Чего там близко к сердцу принимать словоблудие старушки – плетет, лишь бы занять эфир. Намерения то все-таки благие. Вообще-то Ксюха борзеет. Мамка ее вовсе не такое наказание как у нее Алла Ивановна. И держится в форме, не шляется по подвалам и не пьяница... Как в насмешку над жениной проницательностью та выволокла из сумки бутылку армянского коньяка. Не хило! Ксюша простонала. Наверное, догадалась, в какую сумму это обошлось пенсионерке. Ну и что? По крайней мере, теперь всем понятно, как ей дороги и дочь и зять. Интересно, если бы мать Жени провожала Василия и ее, куда-нибудь, в далекие края, как бы это выглядело?...

От развития темы ее отвлекла мать, Алла Ивановна.

Ну, как же, у нее проблема! Вроде бы в завязке, а в то же время проводы... Она принялась было бормотать что-то о плохом здоровье, которое не позволяет... Ксюшина мамаша, конечно же, принялась ее уламывать. Театр! Маман, известив Женю взглядом о том, что ничего не может поделать (общество настаивает), ухватила за стакан. Черт с ней! Всякая завязка у нее развязывается на следующий день.

После ста граммов коньяка у Аллы Ивановны тотчас же развязался и язык, и она почище Ксениной мамаша понесла о своей любви к морьякам, о которых мечтала всю жизнь. Женя похолодела. Хорошо Ксюша, непонятно отчего вдруг брякнула, что мужики без штанов все одинаковы. Реплика сбила с толку глупую курицу, и она, прервав свои мемуары, закудаhtала о том, что определенно на Ксюшу дурно влияет ее собственная дочь, которая никогда не выбирает выражений. Что-что, а изобразить из себя благочестивую, в перерывах между запоями и распутством – ее амплуа. Пусть себе изображает! Но какова Ксюха?! Молодец! И, наверное, в точку. Ей ли не знать!

Процедура проводов довольно быстро превращается в тягостное мероприятие. К счастью, после того как допили коньяк, голос диктора напомнил, что поезд Петербург-Севастополь отбудет через пять минут. При этих словах Ксюша уже откровенно стала рыскать взглядом по сторонам, как будто должен быть еще кто-то появиться. Если он скрывался, пока была возможность с ней встретиться, то, как же – явится сейчас! Женя, понаблюдав за страданиями подруги, убедилась как они, женщины, слабы и неразумны. Наверное, так же смешно и жалко выглядит в иные минуты и она сама. Нет, женщина, если хочет быть человеком, не должна попадать в зависимость от мужчины, не должна позволять вить из себя веревки. Выбор и инициатива всегда должны быть за ней. По крайней мере, так ей помнится из теории...

Как только вагоны тронулись, и Женя в последний раз изобразила на лице улыбку, маман заявила, что ей еще нужно зайти в какой-то комитет и исчезла. Женя,

безнадежно махнув рукой, спросила у Ксюшиной матери в какую ей сторону.

– На автовокзал, – шмыгнув носом и пряча носовой платок в сумочку, тонким голосом ответила та.

Глаза у нее были влажные с покрасневшими веками. Может, и в самом деле расстроилась. Женя попыталась успокоить ее тем, что город русской морской славы хоть и далековато, но не на другой же планете. Потом предложила проводить ее до проспекта.

Уже подходя к арке, выходящей на площадь, Женя увидела знакомую иномарку и Серегу за рулем. Она поймала себя на том, что надеялась, что тот уедет и даже была уверена в этом. Сейчас же оказалась перед выбором. Стоит сделать только шаг к нему и начнется другая история, за которой потеряются сомнения и надежды, разочарования и радости, обиды и восторги тех дней, которые до сих пор заполняют собой весь горизонт. Будет что-то другое, может быть более захватывающее, более определенное,...но другое. Женя остановилась и вдруг поняла, что ничего другого ей не нужно и пройти сквозь эту арку она не сможет. Ксюшина мама тоже остановилась и вопросительно посмотрела на Женю. Та немного осипшим голосом объяснила, что они пошли не туда. Выход к автовокзалу с другой стороны

– Но тебе то, наверное, надо в эту?

– Думаю, что не надо. Прогуляюсь. Там за мостом сяду на трамвай.

Они вышли на проспект боковым проходом, где автомобиль Сереги, уже не просматривался.

По пути мамаша Ксении принялась что-то рассказывать, похоже, о детских проказах своей дочери, об ее отце, о том, как они хорошо и дружно жили, когда были вместе. Теперь эти воспоминания как сон, в который иногда даже не верится. Такой же нереальной кажется и сегодняшняя жизнь. Впечатление такое словно жизнь идет, а ты стоишь в стороне. Никто уже в тебе не нуждается и даже твоя забота чаще всего в тягость... Хорошо еще хоть двери открывают...

Женя, время от времени, сочувственно вздыхала, не особенно вникая в детали повествования, хотя настроение женщины изредка отзывалось в ней болезненным эхом. Вникнуть в чужие горести и отгородиться от своих проблем не получалось. В какую сторону, все-таки, следовало ей сегодня повернуть руль? Одинаково неразумно было бежать от Сереги и не попытаться начать другую жизнь, но так же безрассудно было бы и сесть в его машину, пока есть хоть какая-то надежда, глубоко зарытая, но так и не дающая покоя.

В любом случае он же не отрекся от нее, не сказал, что не хочет ее больше видеть. Просто дал ей возможность сделать выбор самой. Он в ней не уверен? В ней разыграло самолюбие, обида, а понять его самого она даже и не пыталась. С чего ему быть уверенным, что, он так хорошо знает ее?

По сути, в его странном поведении на шхуне, при трезвом размышлении, ничего странного и нет. Он не хотел себя навязывать ей. Да, скорее всего он опасался привязанности, боялся причинить травму ей и себе. Очередную. Его слова « у меня этих обломков под ногами, ступить некуда...», разве они не объясняют всего? Да, он сомневается. Он не провидец. А кто вообще в этом мире им может им быть? Мы обижаемся, когда впервые нас увидевшие, относятся к нам настороженно. Мы-то знаем, чего стоим (да и то врем себе), но тот то, другой, какие гарантии есть у него, что ты не вор, не насильник, не мошенник? Твоя бумажка, типа диплома в кармане? Выражение порядочности на твоём лице? Бумажкой этой только ж... вытереть, что бы в ней не было написано, а внешность стоит и того меньше. Все это свободно продается, обменивается, свободно изображается и не от чего не гарантирует. «Ты должен мне верить!...» Никто никому в этом мире ничего не должен! Если так, то, что же ее сейчас погнало в сторону противоположную от автомобильной стоянки?... Не сможет потом широко открытыми глазами посмотреть ему в лицо? А он? Может быть, этот подле сейчас как раз шарит своими блудливыми ручками под чьей-то юбкой... Женя даже приостановилась. Бабник несчастный! Зато она будет на голову выше... Она сможет то, чего не дано ему – устоять перед желаниями. Только желания эти возникают когда вспоминается вдруг кренящаяся под ногами палуба, свист ветра в снастях и эти умопомрачительные провалы корабля... И все это связано с ним. Только с ним. Потому, видимо, Серега и остался при своих интересах.

Женя опомнилась уже на трамвайной остановке. Одна. Когда и куда исчезла Ксюшина мать, она не поняла. Скорее всего, они простились у пешеходного перехода. Той надо было перейти проспект, чтобы выйти на набережную Обводного канала, вдоль которого можно попасть на автобусный вокзал...

Не эти ли эпизоды не отпускают, держат ее, а не какая-то, неизвестно из какого места возникшая, вдруг, потребность в верности? Или это одно из другого? Она не хочет изувечить все то, что испытала с ним, измельчить жалкими пародиями с другими. Эти ощущения каждый раз оживают в ней, стоит только полу дрогнуть под ногами. В трамвае, в электричке, на теплоходе ли, стоит только прикрыть глаза...

Прикрыть глаза ей не дали. Образовавшаяся на площадке толпа рванула в открытые двери подошедшего трамвая. Она не успела даже рассмотреть его номер, как оказалась на задней площадке, прижатой к окну. Пошевелившись, чтобы обеспечить себе жизненное пространство Женя оглянулась. Вокруг сплошь мужики. Вот они, исчадие ада! Совсем молодой, с кучерявой шевелюрой и бледным лицом; высокий парень в черной кожаной куртке, с каким-то утомленным взглядом, совсем взрослый мужик с буйной проседью в волосах, и застрявшей в уголках губ усмешкой. Прямо таки двойник Василия. Боком к ней притиснулся еще один – невысокий, с плешиной, точь-точь как у Абрамыча,. Все, как будто бы не уроды а ни к одному никаких эмоций. Ни молодой, ни зрелый, ни более, ни менее... И даже дрогнувший под ногами пол не прибавил настроения ни на один балл. Полный ноль.

Оглянувшись с тоской в окно, Женя заметила, что вагон катит не по тому маршруту, который ей нужен, и выскочила на первой же остановке. По адресной табличке ближайшего

здания, поняла, где находится и пошла дальше пешком. Кто или что там ее ждет, дома? Ну, разве что учебники. Так глупо вести себя на паруснике! Старалась вроде бы держать себя на поводке. Как могла. И чего теперь рвать на себе волосы? Значит, не дано – наследственность... Ну уж нет! Стать совсем леди может и не получится, но обуздать себя в дури, уж как-нибудь... Следующая для себя установка будет такая – въехать по самые уши в учебу! И заняться самовоспитанием. Не вечно же она будет в категории «оторви и брось»! Будет поставлено на консервацию все что трепещет... К черту всех тонких, толстых, юных, старых, курчавых и плешивых. И, в первую очередь того изверга, который так и не подает никаких признаков жизни.

Предновогодние хлопоты обычно приносят удовольствия больше, чем праздник. Сама же ночь, как правило, проскакивает в одно мгновение и без особых впечатлений (если без драки). Но на этот раз даже и ждать чего-то необычного не приходилось. Полный беспросвет. Податься некуда и не к кому, оставалась перспектива разделить радости с родной мамашей, пока та не отправится отмечать праздник в подвалы, в чем сомневаться не приходилось уже потому, что незадолго до того как на экране замелькали деды– морозы, эта канитель присмотрела какого-то бомжа, выдававшего себя за художника. Внешне никакой – отброс общества. Может быть, в прошлом он и был художником, но сейчас – в трезвом состоянии у него тряслись руки, и, вздумай он что-либо нарисовать, кисть пришлось бы привязывать к конечности веревкой. Его способности восстанавливались, только после второго стакана да и то, единственной его темой были натюрморты, списанные с того же стола, за которым его и посещало вдохновение. В композиции непременно отражалась недоеденная закуска, опрокинутый стакан и бутылка, в которой должно было что-то оставаться, иначе цветовая гамма не получалась. Зато мастерски им выписывались этикетки. Других произведений Гонзика (так называла его мамаша, хотя по потерянному паспорту у него было совсем другое имя) Женя не видела, зато после их застолий, ей приходилось оттирать краску не только со стен и пола, но и с мебели, хорошо еще, что живописец пользовался только акварелью. Когда Жене надоело это шефство, она выволокла из кладовой ворох старых пожелтевших обоев и заявила творцам ультиматум – рисовать только на этих обоях, а после вернисажей выносить их на помойку самостоятельно. Иначе они оба полетят туда же.

Кроме пьянок и перевода красок, они вряд ли занимались еще чем-то. Мужичок не создавал впечатления дееспособного и даже пугался животрепещущей темы, когда Женя поддевала его намеками. Оставалось удивляться мамаше – обычно она, если и подбирала что-то малопривлекательное, то уж, по крайней мере, на что-то в этом плане пригодное. Страсти у нее, с возрастом, как ни странно, не только не угасли но, похоже, сформировались в гиперсексуальность. Оставаясь, долгое время без партнера, она начинала метаться по квартире как кошка, которую держат взаперти в период загула. Удовлетворять себя самостоятельно старая перечница так и не научилась. В надежде прекратить ее бродяжничество дочь однажды подарила ей игрушку с вибратором. На день рождения. Старая дура орала от возмущения как ненормальная. С появлением художника беспокойства ее по этому поводу как-то сгладились. Может быть, тот владел какой-то нетрадиционной технологией. Или они освоили какую-то форму садомазохизма. Удивляться тут ничему не приходилось...

Женя смирилась бы со всякой их придурью, если бы не бесконечные пьянки.

Попытки призвать маман к разуму приводили лишь к слезам пустого раскаяния по утрам, когда она принималась жаловаться, что и сама не рада тому, что с ней происходит. Может это какое-то психическое заболевание, а ее родная дочь, вместо того, чтобы посочувствовать и помочь бедной матери, только насмехается... Сама, небось, не больно-то раскаивается в своих похождениях... А тут, только помыслишь, и тебе ярлык уже приклепнут.

Такие монологи Жене порядком осточертели и, когда маманя принималась клясть судьбу, старалась куда-нибудь уйти. Хорошо бы и в новогоднюю ночь слинять куда-нибудь. Клара как-

то полунамеком сообщила, что ее родители собираются податься на недельку за границу и сама она будет с дальними родственниками. Все такого же возраста, что и она сама. Попасть в эту среду неплохо, но было в этом варианте сдерживающее обстоятельство – в сборище молодежи возможны провокации, тогда как она не хотела лишний раз испытывать себя на прочность. Состояние относительного покоя становилось уже привычным, и сниматься с консервации ради сомнительного удовольствия... Она еще находила в себе силы противостоять, чьим бы то ни было домогательствам, но стопроцентной уверенности, что под воздействием спиртного крыша не съедет, уже не было. Тем более, что морской козел как в воду канул. Оказалось, что яркие, казалось бы, негаснущие, ощущения, какие она получила во время круиза от времени бледнеют и рассеиваются, если их не подпитывать свежими. А тут, которую неделю ни ответа, ни привета... Она уже несколько раз бесповоротно вычеркивала его из своей жизни, но проходил день другой, и решимость куда-то терялась. Если этот нервомотатель, когда-нибудь, причалит к ее пристани (даже если приползет к ней на коленях), она ему припомнит все! И галлюцинации на улицах города, когда ей мерещилась его фигура, и ночи, когда не ко времени возникшая мысль о нем отгоняла сон до самого рассвета и ту технологию, с помощью которой ей приходилось бороться с бунтующим организмом. И могла ли она подумать, что когда-нибудь придется вспомнить детские забавы!

За три дня до Нового года она, в последний раз бегло заглянула в пустой почтовый ящик, решила не отказываться от предложения Клары и направилась к телефонному аппарату, чтобы сообщить ей об этом, как прозвучавший у двери звонок озадачил ее. Мать была на очередных гастролях да и у нее есть ключ... На ставших вдруг бесчувственными ногах она подошла к двери, заглянула в глазок, но разглядеть смогла только общее очертание женской фигуры. И, как будто бы незнакомой. Вероятно мамашина собутыльница. Уже без всякого интереса она распахнула дверь.

– Почтальон, – представилась тетка в ответ на недобрый взгляд Евгении. – Вам перевод из Мурманска. С доставкой и уведомлением.

Женя оторопела, потом несколько раз перечитала сообщение, и только затем до нее стало доходить, что Василий поздравляет ее с Новым годом и высылает деньги, которыми она может распорядиться по своему желанию. Подарок. Сумма значительная. Женя бессознательно расписалась в получении, получила пакет и вернулась в комнату.

Все еще не придя в себя, она плюхнулась на диван и, держа телеграмму и деньги перед собой, попыталась собраться с мыслями. Что это означает? Он действительно делает ей подарок или оплачивает ее сексуальные услуги на судне? Зачем это ему? Умерла так умерла... Еще раз, оценив сумму, Женя вдруг решила что это приглашение. С чего бы он в тексте указывал и адрес? И ведь какой изверг, абсолютно уверен, что она прикатит. То есть сделает самому себе подарок. А ведь в сообщении ни намека... Распорядиться по своему усмотрению. Ну, нет, пока не придет телеграмму с конкретным приглашением, она не двинется с места. Пусть поскребет пятерней в затылке! Вот и отольются коту мышьи слезки!

Решимость ее была железной, но через час она спохватилась, что просчитывает время в пути и что бы взять в дорогу. Наверное, так, из любопытства, но уже когда бессознательно выволокла чемодан из шкафа, поняла, что уже не остановится. Сомнения в том, что он ждет ее исчезли бесследно. Затормозить ополоумевшую уже не могли реальные опасения в том, что он может оказаться в плавании, в какой-нибудь командировке или просто где-то в гостях. Она найдет его, будь он хоть на Северном полюсе!

Клара, узнав о планах подруги, похлопала глазами и признала, что ее бы на такое не хватило...

Мать толком ничего и не поняла, куда и зачем отправляется дочь, да и не особенно вникала в ее слова, которых и было то два-три и те не связаны между собой. Однако живо уловила, что в новогодние праздники сама не будет под надзором и просветлела лицом. У Жени

еще хватило времени удивиться реакции мамыши – последнее время она вроде бы старалась не вмешиваться в ее личную жизнь...

Клара доехала с ней до вокзала на такси, за которое заплатила сама, несмотря на протесты подруги, проводила до вагона и помахала на прощание рукой...

Только в вагоне, узнав время прибытия поезда на конечную станцию, Женя стала понимать, что Мурманск далеко не ближайший пригород Питера. Больше суток в пути...

В пути помимо незнакомых станций открывались и другие новости. На другой день, уже позавтракав, она заметила, что солнце так и не поднялось и ощущение возникало такое, словно за рассветом тотчас же наступил вечер. О полярной ночи, в которую шустро катил поезд, она еще не имела ясного представления. Картинки за окнами были однообразными и Женя, большую часть пути старалась спать. Кроме желания сократить тягомотину дальней дороги она отгораживалась от уже появляющихся сомнений. Горячка первого дня пошла на убыль, но, погаснуть, окончательно не успела.

На конечную прибыли по расписанию. Определить время, хотя бы приблизительно, по окружающему пейзажу было невозможно. Он только сбивал с толку. Привокзальная площадь была в огнях, на небе проглядывали звезды а часы показывали полдень...

Адрес в ее записной книжке напоминал головоломку и Женя обратилась к патрулю – офицерам, слоняющимся по перрону. Те обрадовали ее известием, что адрес не совсем, чтобы Мурманский, это жилой городок под литером и расположен ближе к Североморску, но, чтобы попасть туда, нужен пропуск, а чтобы оформить его необходимо подать заявление со всеми документами по списку. Вероятно, выражение лица Евгении им понравилось, потому что, поржав, они поинтересовались – к кому все же она приехала? Услышав имя, переглянулись и уже без юродства пригласили в свою резиденцию, здесь же на вокзале – крохотную холодную комнатку без мебели, не считая стола и стула.

Пока Женя приходила в себя от первых впечатлений мужички (оба молодые) принялись куда-то названивать, наводить какие-то справки, потом нацарапали все же ей бумажку, считающуюся пропуском. Роль благодетелей, видимо, пришлась им по вкусу, и они даже отправили ее на дежурной машине – задрипаном фургончике без номеров.

Ехала она рядом со здоровенным шофером, который молчал всю дорогу, и шевелился, лишь, в случае крайней необходимости, чем вызывал подозрение, что спит, особенно странными казались его покачивания головой, как будто ему что-то внушали, а он со всем соглашался. Кроме них в кабинке никого не было, да и поместиться уже было некуда. Желания трепать языком Женя не испытывала, потому молчаливость водителя ее вполне устраивала. Да оно и безопаснее. Если такой медведь вздумает ее завалить, посреди пути, отбиться вряд ли удастся.

Города она толком не разглядела, ей все казалось, что едут по каким-то окраинам и центральные районы должны вот-вот появиться. Но ничего не появилось, а наоборот – все постройки внезапно кончились, и машина выкатилась по заснеженной дороге в лесок с частыми и мелкими деревцами. Экзотика не захватывала – взамен восторга натуральный озноб пробежал по ее спине. А вдруг Василия и в самом деле не будет дома? Веселенькое дело. Ночью, одна, считай в тундре, да еще с таким бугаем...

Лесостепь за окном рябила недолго. Скоро замелькали низенькие огоньки, и фары автомобиля высветили шлагбаум. Дежурный, в необъятной шубе поверх формы полупал на Женю глазами, подмигнул ей и, не взглянув на бумажку, которая она предложила ему для изучения, махнул рукой. Шлагбаум поднялся.

Городок оказался небольшим, чистеньким, сплошь из одноэтажных коттеджей. Водитель остановил у одного из них и включил в кабинке свет. За рулем, оказывается, сидел совсем молодой матрос, несмотря на угрожающие размеры фигуры, физиономия его была добродушной и во взгляде, которым он окинул Женю, проскользнула какая-то запоздалая заинтересо-

ванность. Открылась и причина его странного поведения. Из-под бушлата к ушам тянулись черные шнуры проводов. Парень вынул наушники, из которых комариным писком зазвучало что-то.

– Пинк Флойд, – пояснил он.

Женя, молча, кивнула и растерянно посмотрела в окно, не зная на каком строении остановить взгляд.

– Свет горит. Дома, – успокоил ее матрос. Потом, видимо поняв, что она здесь впервые, добавил:

– Ваш вход левый, с этой стороны.

– А что, он в доме не один?

– Коттедж-то двухквартирный. С другой стороны другие...не знаю кто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.